

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРОГРАММА ЗАЩИТЫ ЛЮБОВНИЦ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Программа защиты любовниц

«ЭКСМО»

2013

Романова Г. В.

Программа защиты любовниц / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2013 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-68634-6

Лиза никогда не верила в гадания, гороскопы и сонники. Но, когда перед гибелью самой близкой и любимой подруги Сони увидела вещий сон, пересмотрела свой взгляд на эзотерику. Лизе пришлось пересмотреть и всю свою жизнь. Девушка с прекрасным образованием в одночасье бросает престижную хорошо оплачиваемую работу и устраивается на должность горничной. Ей теперь нужно мыть полы, вытирать пыль и терпеть назойливые приставания хозяина дома Стаса, и все это ради справедливости и чувства мести. Она сама найдет настоящего убийцу, жестоко и хладнокровно расправившегося с подругой Соней. Полиция отпустила Стаса, поверив в его непричастность, но Лиза видит всю гнусность и испорченность холеного и вальяжного Станислава Игнатенко и его чокнутой семейки. И она сумеет отомстить за Соню и других девушек, ставших жертвами маньяка... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-68634-6

© Романова Г. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Романова

Программа защиты любовниц

Глава 1

Где-то капала вода. Медленно, вяло. Капля за каплей, капля за каплей, с одинаково затянутым промежутком. Это жутко действовало на нервы. Может, подтекал кран, может, с крыши капало о подоконник, накануне вечером шел дождь. Она точно помнила, что он был. Зачем же еще надо было брать с собой зонтик и надевать прозрачный дождевик с яркими перламутровыми пуговицами? Был дождь, это точно!

Дождевик ей привез из Финляндии один хороший знакомый. Подарил и тут же потребовал, чтобы она надела, а после принялся причмокивать языком и хвалить ее на все лады.

– Такую хорошенькую пташечку ни один мужской взгляд не пропустит! – завершил он свое восхищение.

Как приговорил!

Мужской взгляд уroda, который привез ее в этот дом, ее и не пропустил.

– Какая же ты пригожая, девочка моя... – шептал он ей, пока они тихо-мирно ехали в машине. – Какие у тебя коленочки! Какие ручки! Кто-нибудь тебе говорил, что Господь в твоём лице создал совершенство???

Она что-то тихо мурлыкала ему в ответ, улыбалась, и ни один нерв в ее теле не дрогнул сомнением или предчувствием опасности. Ей было хорошо, спокойно и уютно в теплой утробе огромного внедорожника, где сладко пахло кофе с ванилью, кожей сидений и дорогим парфюмом мужчины, вызвавшего ее подвезти.

Он подобрал ее возле кинотеатра, когда она опоздала на последний сеанс.

Господи, как глупо! Как нелепо все сложилось! Сидела и сидела бы себе дома, пила кофе, слушала шум ветра за окном, наблюдала бы за тучами, заволакивающими небосвод. Нет, вдруг захотелось на улицу, на волю, под грохот грома и сполохи молний, под проливной дождь и сильный ветер, вырывающий у прохожих зонты.

Собралась в две минуты. Надела самую маленькую, самую тесную, из всех имеющихся у нее, юбку, босоножки на высокой платформе и крохотную маечку в блестках на тонких лямках. Сверху накинула прозрачный дождевик, взяла в руки зонтик, маленькую сумочку размером чуть больше кошелек и вышла под дождь.

Походить по улицам не получилось. Ветер выворачивал зонтик, рвал на ней полы тонкого дождевика, ерошил под капюшоном волосы, швырял в лицо пригоршнями дождь. Поплутав минут десять и вымокнув почти до нитки, она решительно направилась в кинотеатр. Но там в связи с непогодой сеансы сократили, а на тот, что оказался последним, она уже опоздала.

– Придется вам возвращаться домой, – сонно моргала билетерша, подметая крохотный пятачок кафетерия.

Она решила вернуться домой. Вот выйдет на улицу, вызовет такси и поедет домой. А на улице вдруг все стихло, ветер угомонился, дождя почти нет. Редкие капли еле теребили лужи рябью. Воздух сделался легким, теплым, свежим. Она замерла у бордюрного камня, не решаясь махнуть рукой, чтобы остановить такси. Снова захотелось пройтись по улицам, подышать, подумать о чем-нибудь приятном.

К примеру, о том самом приятеле, нарядившем ее в этот прозрачный дождевик, в котором теперь она похожа на яркий блестящий леденец.

«Приятель был хорошим парнем, основательным, серьезным», – тут же принялась она размышлять, и намерения у него к ней будто бы намечались серьезные, а с виду он был очень

симпатичным. Высокий, широкоплечий, шагал по жизни и по земле твердым широким шагом. Но...

Но он ей не нравился! Она с ним все время скучала! Когда обычно он что-то рассказывал, она принималась зевать, когда говорил о чем-то важном, постоянно отвлекалась. А когда однажды полез к ней целоваться, она почему-то рассмеялась. Он обиделся и попыток больше не возобновлял.

– Я подожду... – сказал он в тот день. – Я терпеливый!

Этот терпеливый парень постоянно куда-то ездил и всегда возвращался. Странная у него была работа. Но, кажется, за нее неплохо платили. Во всяком случае, он был всем доволен. Может, взять и позвонить ему сейчас? Не слишком ли поздно, подумала она, ведь время двигалось к полуночи.

Девушка достала телефон и позвонила, а он не ответил. Просто не взял трубку, и все. Она вдруг расстроилась и решила, что все же не пойдет пешком, раз ей не о ком особо думать, и возьмет такси.

Тут подъехала эта машина, большая, черная, сверкающая после дождя, в неоновом свете вывесок, походящая на огромного дельфина: сказочного и доброго. Девушка улыбнулась, когда стекло со стороны пассажира медленно поехало вниз.

– Привет, – мягким голосом проговорил приятного вида мужчина. – Скучаешь?

– Хотела вызывать такси. – Она пожалала плечами, зачем-то одернула дождевик, ладони тут же сделались мокрыми, и вдруг зачем-то соврала: – Но никто не хочет сажать в машину промокшую девушку, представляете?

– Я помогу вам, милая девочка. Помогу...

Она села в машину, сдернув с себя дождевик, с него в самом деле капало. Вывернула его изнанкой наверх, скомкала в комочек и сунула в кармашек двери.

– Не холодно? – спросил заботливый водитель и тут же, не дожидаясь ее ответа, включил печку. – Так лучше?

– Да, пожалуй. – Она зажала голыми коленками ладони. И снова спросила совершенно неуместно и неправильно: – Куда едем?

Как куда?! Ты же собиралась домой! Собиралась вызвать такси и ехать домой! Или нет?

Кажется, все это мгновенно проскочило в ее голове, отразилось в его глазах. И его ответ был однозначным.

– Куда пожелаете, – ответил мужчина.

– Я пожелаю... – Она подняла к груди сцепленные замком пальчики, закатила глаза, вытянув губы трубочкой, вздохнула раз, другой. – На край света, пожалуй! В тридевятое царство, в невероятно сказочное государство, где все прекрасно, удивительно и невероятно непредсказуемо! Сможете доставить?

Она просто не узнавала саму себя, не понимала, с чего вдруг превратилась в такую жеманницу, глупую, беззаботную и неосторожную.

Он кивнул ей в ответ, легонько рассмеявшись, и повез ее куда-то. Сначала они довольно долго колесили по городу. Он много говорил о том, какая она прекрасная, как чудесны ее ноги, губы, руки. Она слушала, хихикая время от времени.

– Какие у тебя пяточки, девочка моя... Какие славные, крохотные у тебя пяточки...

Этими словами оборвался так внезапно начавшийся праздник, так ведь?

Она заворочалась, пытаясь чуть ослабить давление веревок на руках и ногах, вышло плохо, просто отвратительно. Вертки еще сильнее врезались в кожу, и сделалось очень больно.

Этот урод знал свое дело. Вязать руки и ноги, какими бы прекрасными они ему ни казались, он умел отлично! При этом старался причинить связываемому максимальные неудобства, граничащие со страданием.

Зачем он с ней так? Почему?! Она не сопротивлялась, не ругалась матом, вообще не грубила ему. Напротив, улыбалась и делала все, что он ни попросит. Села в кресле так, как он просил: голова на одном подлокотнике, ноги свесила через второй подлокотник. Потом мотала в воздухе ногами минут двадцать, стараясь, чтобы это выглядело забавно и беззаботно. Поначалу так и выходило. Она хохотала, запрокидывая голову так, что ее длинные волосы касались пола. Это ему тоже очень нравилось. Молотила пятками воздух, как он просил. Потом устала и попросила пить.

– Какие у тебя пяточки, девочка моя... Какие славные, крохотные у тебя пяточки... – проговорил он, поднося ей стакан с водой.

Она выпила воду, поставила стакан рядом с креслом на пол, попыталась сесть ровно, но вдруг он выхватил из-за спины моток веревки и принялся ее вязать, без конца бубня что-то про пятки.

– Не надо! Пожалуйста! – сначала слабо, а потом все яростнее и яростнее принялась она вырываться. – Зачем?! Что я вам сделала???

Ее уже никто не слушал, он говорил и говорил. Нес полную ахиною про какую-то любимую девочку, которая любила засыпать, перекинув через него ножку, когда он брал ее пяточку в свою руку и засыпал, чувствуя при этом себя самым сильным, счастливым, самым заботливым человеком на земле. А потом она от него ушла, она оставила его! Здесь он трижды ударил ее по заду, сдернув труссы. Она не захотела с ним больше жить! И тогда он поклялся...

Что же он пообещал этой самой девочке?! Кажется, то, что непременно вернет ее! Несмотря ни на что, пусть даже на это уйдет вся его жизнь!

– И у меня все получилось... – зашептал мужчина, наваливаясь на нее сзади, с остервенением терзая ее тело грубо и первобытно. – Все! Она теперь моя! Ты теперь моя!!! Вы все теперь мои, суки...

У него мало что выходило, он пыхтел, сопел, злился, лупил ее ладонью по заду, ногам, груди, кусал ее за спину. Потом взял большой нож, нацелился на ее левую пятку со словами:

– А теперь переходим к основной части нашей процедуры.

Девушка пронзительно завизжала, в одно мгновение осознав, что жить ей осталось всего ничего. Принявшись брыкаться, она задела его руку, сжимающую нож, ударила по колену, перевалившись со спины на живот, поползла, как огромная гусеница, к выходу из богатой красивой комнаты.

И он вдруг оставил ее в покое. Просто стоял, потирал ушибленное колено и смотрел с открытым ртом, как она, голая и спутанная, ползет по его паркету к двери.

– Такого танца я еще не видел! – выпалил он вдруг и засмеялся. – Надо будет повторить. До завтра...

Заклеив ей рот пластырем, он уехал, оставил ее в покое.

До завтра...

Глава 2

– Мельников!!! Мельников, какого черта???

Визг Володина так явственно и так оглушительно зазвенел у него в ушах, что Валера, перевалившись со спины на бок, проснулся. Обвел ошалелыми глазами комнату, отчаянно заморгал, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд.

Ну? Ну и чего? Вроде бы его комната. С зашторенным громадным окном и подоконником шириной почти в метр. Они на нем, как за столом, всегда располагаются. Его телик в полстены, его постеры, светильники, кресла с диваном, акустика. Все его. И никакого Володина тут нет. Чего он тогда орал ему на ухо?! Случилось, может, чего? Позвонить?

Валера свесил руку, пошарил по полу, нашел мобильник, тут же, не глядя, ткнул в кнопку последнего вызова. Последним был Володин, он знал точно, как и предпоследним, и еще третьим в списке. Больше ему никто пока не звонил.

Мельников скосил взгляд на комод, где все еще стояла ее фотография. Высокая стройная девушка в открытом купальнике, с короткой стрижкой и невероятно яркими синими глазами, счастливо смеялась прямо на камеру. Это был его любимый снимок. Они тогда вместе отдыхали в крохотном курортном поселке, насчитывающем чуть больше полусотни дворов. Море было теплым, чистым, народу было мало, времени свободного много. Они спали, ели, купались, занимались любовью. В тот вечер, когда было сделано фото, они вышли погулять по берегу. Дурачились, мечтали, строили какие-то невероятные планы, а после он начал ее снимать. Сначала как она снимает сарафан, потом как входит в воду, как плывет, после как выходит из воды с намокшими ресницами.

Эта фотография показалась ему самой лучшей. Он увеличил ее и вставил в рамку, там она теперь и стояла до сих пор.

Оля... Оленька... Олечка...

Господи, он потерял ее! Потерял насовсем! Вот только что понял, идиот, что Ольку ему не вернуть ни за что. Она... Она выходит замуж через пару недель за красивого, удачливого, предприимчивого, за такого, каким он не сумел для нее стать.

– Че, Володь? – прохрипел Мельников в трубку, стоило тому ответить.

На самом деле Володин был Александром, и почти все, кроме Мельникова, звали его именно так. Тому нравилось называть друга Володей, Вовой, Вованом. Володин терпел, не огрызался. Нравилось ему или нет, оставалось загадкой. Скорее всего, нет. Потому что никому, кроме Мельникова, он не позволял себя так называть.

– Че? – так же хрипло отозвался друг.

– Ты че орал-то? – вспомнил Валера свое пробуждение.

– Я?! Когда?!

– Я спал, а потом ты как заорешь, Мельников, какого черта?!

– А-аа, вон оно что! – Друг зло выругался. – Спишь, стало быть!

– Ну да, мне на дежурство с восьми вечера.

– А вчера? Вчера ты где был?!

– Вчера? – Валера наморщил лоб, вспоминая, и ему сделалось больно. – Вчера я пил, Вован.

– Пил?

– Пил. Много пил! Очень много пил, потому что...

Валера вдохнул, выдохнул, прислушался к организму, как тот прореагирует на движение диафрагмы, заняло сердце. Мельников наконец вспомнил причину своего запойного вечера.

Оля! Из-за нее он надрался, как извозчик!

– Потому что, что? – отчетливо и с выражением спросил Володин.

– Потому что Оляка через две недели выходит замуж, – выдохнул Мельников, тут же поймал задрожавшую нижнюю губу и придавил ее зубами.

– Замуж? Оляка?

Его бывшую девушку Володин знал отлично. Они поладили с первого знакомства, что еще больше наполняло Мельникова счастьем. Он часто навещался к ним в гости, ходил с ними в кино и, как ни странно, не мешал им совершенно. Мельников даже где-то в глубине души немного ревновал свою девушку к другу. Это когда сам забывал купить ей цветы, а Володин являлся с букетом. Или когда его подарок к ее дню рождения оказывался более удачным. Или...

А, да и что теперь об этом?! Оляка выходит замуж! И все!

– Замуж, Оляка, – покорно повторил Мельников и зажмурился, чтобы не видеть ее пронзительно счастливого взгляда с фотографии.

– За кого?

– За какого-то упыря с машинами, квартирами, деньгами, положением не только тут, но и там! – Мельников, будто друг его мог теперь видеть, помахал рукой в сторону окна, подразумевая за границу. – Короче, мне хана, Вова! Мне кранты!!! Мне никто, кроме нее, не нужен! Я ее люблю! Только ее!!! Люблю ее смех, походку, даже как она похрапывает во сне, обожаю!

– Оляка храпит?! – не поверил Володин.

– А то!

– Бреешь, скот! – отрезал тот и вдруг после паузы с печалью проговорил: – Брат, а ты ведь в жопе полной!

– Понимаю... – Мельников смиренно пристроил свободную от телефона руку на сердце, которое вытворяло черт-те что.

– Нет, брат, ты не понимаешь! Я ведь не Олино замужество имею в виду.

– А что?

– А то, что ты, скот, вчера обожрался в слюни и позвонил ей. Так?

– Будто бы...

Мельников снова запустил по лбу морщины, которые сквозь лобную кость терзали его мозг болью.

Он звонил Оле? Быстро глянул на экран мобильного, полистал вызовы. Ну да, вот звонок ей, в половине девятого вечера. Господи, не помнит! Ничего не помнит! Что он говорил ей?! Что?! Только бы не оскорбил, только бы не обидел! Она же не виновата в том, что он скот!

– Что ты сказал ей, сволочь?! – поинтересовался Володин, и в голосе ясно послышался скрежет его вставных шестерок, одна сверху, другая снизу.

– Что сказал, что сказал... Не помню я, – признался Мельников. – Но плохо мне было. Очень плохо, брат. Мог и наговорить чего-нибудь.

– Ага! А после того как наговорил, явился к ней. Это помнишь?!

– Я??? К ней??? – Валера резко сел на диване и съежился, как от удара. Внутри все пошло волнами. – Когда???

– Очевидцы утверждают, что в десять вечера. И утверждают, что дебоширил и угрожал!

– Я??? – просипел Мельников и схватился за горло, оно начало саднить. – Володя... Я... Я не мог! Не мог угрожать!!!

– Мог, не мог, разберется следствие, – казенно ответил друг. – Давай, умывай рожу и сюда. Пулей!

– А... А зачем?

Мельников поймал свое отражение в огромном экране телевизора. Показалось, что она – рожка – раздулась в полэкрана. Пил он вчера безобразно. Пил все подряд. Старался залить горе, а вышло, что натворил новое.

– Затем, что поедем с тобой на место преступления. – проговорил Володин со вздохом.

– К Ольке?! Не поеду!!!

– Хм-мм... Ольку еще найти надо, скотина! Ты ведь... Ты ведь... – Володин снова скрипнул шестерками, выматерился с азартом. – Ты ведь после того, как угрожал ей, смылся куда-то.

– Домой, – перебил его Валера.

– Пусть так, а Олька расплакалась на груди у соседки. Позвонила своему жениху. Все ему рассказала. И... пропала!

– Куда пропала?! Как пропала?!

– А вот это, скотина, ты и должен будешь выяснить, – заорал Володин не своим голосом. – Потому что я все утро за тебя тут общаюсь с ее нареченным. Он все утро пытается мне сунуть заявление о пропаже человека. Я ему, твою мать, про трое суток, которые еще не прошли! А он мне бумагу в рожу тычет! Говорю, заявление принимается через трое суток, а он мне... Короче, отфутболить-то я его отфутболил, но эта падла ясно дала понять, если что с Оленькой, то виноват в этом будешь только ты! Десять человек видели и слышали твои вчерашние художества. Вот так, Валера... Ты все понял?

Мельников отключил телефон, кое-как добрал до ванной и сунул голову под ледяную струю воды. Ощущение было таким, что череп изнутри разрывает. Но он простоял так минут пять. Потом так же долго стоял под ледяным душем. Покрылся гусиной кожей, дрожал так, что нижняя челюсть подпрыгивала, но выстоял. Долго растирался полотенцем, брился, в три приема чистил зубы, полоскал специальным эликсиром. Потом варил кофе, пил и все время пытался вспомнить, как он вчера в десять часов вечера хулиганил под окнами у Ольги. Как звонил ей, еще удалось вспомнить. Какие-то слова он ей хорошие говорил, это сто процентов. Что любит, говорил, что жить не может, что смысла нет и все такое, но чтобы дебоширил у нее под окнами, потом в подъезде...

Нет, хоть убей, не помнит!

Надо потрясти этих соседей. Сколько там Олькин хлюст насчитал? Десять человек? Ничего, ему доводилось за час и больше народу опрашивать. К тому же поедут они вместе с Володиным, так что...

Но оказалось, что Володин и не собирается ехать по Олиному адресу, и место преступления им подразумевалось совершенно другое, и поймал его Мельников уже на выходе.

– Нет, брат, туда ты сам поедешь, – утешил его друг, поймав за карман легкой летней рубашки. – Я там светиться за тебя не намерен. Сам выясняй, что такого ты наговорил своей бывшей возлюбленной и что такого сделал, почему она вдруг исчезла в никуда, не взяв с собой ничего из вещей. Ничего! Даже зубной щетки!

– А паспорт? – зачем-то спросил Мельников, прекрасно понимая, что хватается за воздух.

– Не знаю я ничего про паспорт. – Володин недовольно сморщился. – Зато я знаю, что у нас еще один труп девушки в парковой зоне.

– Что??? Ты хочешь сказать???

Он засипел так, что снова засадило горло, к тому же его принялось так колотить, что Володину пришлось ему помогать садиться в машину.

– Нет, это не Оля, – вздохнул друг, протягивая ему бутылку минералки. – Слава богу, это не она... Найденная девушка длинноволосая, маленького роста.

– Снова он?

Володин молча кивнул. Мельников припал к горлышку бутылки, громко булькая, потом отдышался, вытер капли пролитой воды с шеи, покачал головой.

– Знаешь, Саш, – вдруг назвал он друга по имени, и тот тут же удивленно выгнул брови. – Если с ней что-нибудь... Я ведь жить не смогу.

– Знаю, – кивнул друг, дотянулся с переднего сиденья к нему на заднее протянутой рукой. – Я верю, Валер, что ты не сделал ей ничего дурного, и жених мне ее очень не понравился, но...

– Но через три дня, если она не появится, ты примешь его заявление и начнешь работать на полную катушку, – закончил за него Валера и кивнул, пожимая протянутую другом руку. – Я тоже.

– Что тоже?

– Также начну ее искать, если она не появится.

– Это я и без тебя знаю. Искать тебе ее придется не через три дня, а уже сейчас. Потому что...

– Потому что ее жених назвал меня единственным подозреваемым в ее исчезновении, – снова закончил за друга Валера. – Но не из-за этого ее стану искать, Саня. А потому что... Я не могу без нее!

Какое-то время они молчали, бездумно наблюдая за городским пейзажем, проскакивающим мимо автомобильного окна.

Начало лета выдалось жарким, сухим, пожароопасным. Город без конца заволакивало дымом, и многие не выходили из дома без марлевых повязок. Различить под кепкой с длинным козырьком и такой вот повязкой, кто именно идет, было невозможно. Прибавить сюда джинсы, бесформенную футболку, и вообще не понять: парень это или девушка.

Как искать Олю? Где искать? Почему она после вчерашней его дикой выходки вдруг пропала? Он точно не мог сотворить с ней ничего. Он и с собой-то сотворить ничего был не в состоянии. Только что дотащить свое хилое тело до дома, и то не факт, что это сделал он.

Как подумал, так и оказалось. Одна из соседок, из десяти любопытных, заявила, что после дикой сцены и ее плача на груди соседки он удалился со двора под руку с Оленькой.

– Как такое могло быть?! – вытаращил на пожилую женщину мутные с похмелья глаза Мельников.

– А как же еще?! Вы же буквально не стояли на ногах! – брезгливо поморщилась дама. – Она вас почти несла до остановки.

– До остановки? До какой остановки?! Во сколько это было?!

– Вы что же, молодой человек, совершенно ничего не помните?! – ахнула Олина соседка с первого этажа.

– Смутно, – вяло отреагировал Мельников.

– Разве можно так пить?!

– Нельзя, – кивнул он согласно и тут же попросил воды.

Соседка вошла в квартиру, он остался на лестнице, огляделся, напряг память. Ничего! Полный провал! Видимо, после телефонного звонка Ольге, обрывки которого еще как-то сохранились в голове, он принял еще.

Дверь распахнулась, женщина протянула ему высокий отпотевший стакан с ледяной водой. Мельников, дважды поблагодарив, жадно выпил, а потом извинился:

– Я, наверное, скот в ваших глазах? Простите.

Она, поджав губы, какое-то время его внимательно рассматривала. Видимо, пыталась понять, искренни ли его раскаяния. Потом кивнула, принимая все за правду, и проговорила:

– Мне, конечно, вас искренне жаль, молодой человек.

– Меня? Жаль? Почему?

– Вы вчера так убивались, так просили Олю отменить свадьбу.

– Правда?!

– Да... Я как раз на скамеечке сидела у подъезда, когда она вас на улицу выволакивала в буквальном смысле слова. А вы... Вы плакали...

– Я???

Мельников смутился и покраснел. На его памяти, последний раз он плакал в классе третьем от содранных в кровь коленок. Потом все! Ни единой слезы! Даже когда ногу вывихнул и правили ее потом без уколов минут пять. Да что там, когда мать хоронил, не плакал. Хотя душу выворачивало от боли и тоски. А вчера он плакал?!

– Не может быть, – покачал он головой. – Не может быть!!!

– Как вы можете утверждать, если ничего не помните! – возмутилась дама и отобрала у него пустой стакан. – Не может быть! Она вас тащит, а вы ревете, как дитя. И умоляете ее отменить свадьбу. Оленьке было жутко неудобно передо мной. Она поздоровалась, извинилась, вас все уговаривала успокоиться.

– А как? Как она это делала?! – спросил Мельников севшим голосом. – Как называла меня?

Господи, он бы сейчас все отдал, лишь бы снова услышать ее голос. Он так соскучился. Надо же было так нализаться, что не помнить ничего?! Хотя...

Если бы он не напился, он бы ей не позвонил, потом не притащился бы сюда скандалить. Не стал бы просить ее ни о чем, гордый потому что. А вчера вот под воздействием алкоголя его самолюбие атрофировалось, получается.

– Она? Она называла вас то Мельниковым, то Валерочкой, – вспоминала женщина, наморщив лоб. – Все говорила, Валерочка, я прошу тебя, не надо! Пожалуйста, не надо! А когда уж вы начали заваливаться на колени, прощения там просить или просто сил у вас стоять не было, тогда уж она на вас прикрикнула и назвала по фамилии. Так-то, господин Мельников.

– И она повела меня к остановке?

– Повела! – фыркнула женщина. – Это вы неверно выразились. Она вас потащила почти на себе! Подошел автобус, я из-за угла наблюдала, думала, если уж нужно, я ей помогать стану. Но Оленька справилась, она вас в автобус втащила.

– А сама?

– И сама следом. Она поехала с вами, – кивнула женщина и шагнула к своей двери. – Вот, собственно, и все. Потом ближе к полуночи объявился ее нареченный, начал носиться по этажам, звонить во все двери, спрашивать про Олю. И вид у него был весьма... я бы сказала, потрепанный, огорошенный. И под левым глазом у него я заметила свежую царапину. Вы с ним нигде, случайно, не пересекались?

Мельников вместо ответа лишь хмыкнул с печалью. Женщина все правильно поняла, кивнула.

– В какой автобус мы сели? Номер не помните? Да, и время желательно. – Мельников мысленно помолился на удачу.

– Времени было минут десять одиннадцатого, это точно, потому что двадцать минут одиннадцатого у меня начинается сериал, и я тогда еще подумала, что у меня есть десять минут... – чтобы понаблюдать, закончил за нее Мельников, не разжимая рта. – А автобус... Кажется, сто тридцатый, но мог быть и сто восемьдесят восьмой, и сто восьмидесятый, и сто девяностый. Я без очков в сумерках не очень хорошо вижу, да и стояла достаточно далеко. Однако узнать, думаю, вам не составит особого труда. Маршруты в автопарке расписаны...

Автобус оказался сто тридцатым. Его водитель и кондуктор сегодня отдыхали. Адресов их никто ему не захотел давать, а вот номерами телефонов снабдили. Первым он позвонил водителю. Тот отозвался заспанным злым голосом. Долго не мог понять, чего от него хотят. Когда понял, ответил нервно и отрицательно.

– Знаешь, командир, сколько упырей и алкашей в мой бас за смену садится?! Я должен всех запоминать?! Я за дорогой слежу...

Мельников позвонил кондуктору. Та не отвечала часа два. Он за это время успел трижды набрать Олин телефон, он был отключен, столько же раз созвонился с Володиным. Сначала изложил ему свои новости, потом выслушал неутешительные его.

– Короче, снова задушена. Снова пятки искромсаны так, что кости торчат. Жертву пока никто не хватился, и она не опознана. Документов и личных вещей при ней нет.

– Снова голая?

– Совершенно! Ни единой ниточки, ни клочка бумаги на теле, только трава, в которой ее обнаружили.

– Сколько она там пролежала? – спросил Мельников.

– Трудно сказать. Эксперты трудятся, но убивали ее постепенно.

– Как во всех остальных случаях... – кивнул Валера своему отражению в витрине кафе, он собирался зайти перекусить. – Гребаный урод! Головы начнут скручивать скоро.

– А толку?! – возмутился Володин и выругался. – Другие головы лучше, что ли? Мы с тобой этого упыря уже второй год пасем, а результат?!

Толку не было никакого, убийца не оставлял ни единого следа. Сколько они ни бились, сколько ни отслеживали маршруты жертв накануне исчезновения, ничего! Ни СМИ, ни обещанная награда за информацию, ничего не помогло. Полгода назад таскались за одним подозреваемым, на которого указали очевидцы. Будто бы видели, как одна из жертв садилась к нему в машину. Дяде испортили нервы основательно, оказалось, он ни при чем. Девушку тот дядя в самом деле подвозил, но высадил по пути к ее дому. Чему, оказалось, тоже очевидцы имелись. И все! С той поры ни единого следа, ни единой ниточки.

– Ладно, – вздохнул Володин протяжно. – Ты там давай через часок подъезжай в отдел, подумаем, посидим. Жениха этого пробить бы не мешало.

– Ну!

– И это, пожрать чего-нибудьхвати. Кишки сводит просто...

Мельников съел две порции огненной домашней лапши. Набрал с собой в пакет беляшей и пончиков с рисом и яйцом. И снова, как вышел из кафе, набрал кондукторшу.

– Да! – отозвалась та почти сразу.

– Добрый день. Из полиции вас беспокоят.

– На предмет?! – переполошилась сразу женщина. – Я ничего такого... За мной ничего...

– Я по поводу вашей вчерашней смены, а вернее, почти самого ее финала. – Валера быстро описал внешность Оли и свою, добавив, что парень был изрядно пьян, где и во сколько они сели в их автобус, и спросил: – Вы их не помните?

– Помню, конечно! – успокоилась сразу женщина. – Парень хоть и пьяный был, но нормальный.

– В смысле? – У него потеплело на душе. Хоть один позитивный отзыв в его адрес.

– Ну... Не бычился, не хулиган. Просто все время норовил перед девушкой на колени встать.

– Зачем? Прощения просил?

– Нет, замуж он ее звал, ну и прощения просил тоже.

– А девушка что же?

Он снова обругал себя на все лады. Не помнить Олю после того, как полгода только и мечтал о ней, только о ней и думал, это преступление!

– Девушка? – кондукторша задумалась. – Мне показалось, что ей это...

– Не нравится?

– Я бы сказала, что это было ей в тягость. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, кажется, – пробормотал Мельников с упавшим сердцем.

– Она все время морщилась, как будто у нее голова болела или зуб. А потом они вышли и все. Я больше их не видела.

– А случайно не запомнили, где они выходили?

– Как же не запомнила! – фыркнула кондукторша. – После этого в салоне сразу тихо стало. На Заводской они и вышли. Знаете, где это?

– Да, спасибо. – Валера отключился.

Как ему было не знать, если это была его остановка?! Оля привезла его домой, проводила, возможно, до квартиры, а потом...

Что было потом, он тоже не знал, не помнил. И куда подевалась Ольга из его квартиры, если она его туда привела, было неизвестно. Следов борьбы или физического насилия он поутру у себя в доме не обнаружил, так что, предположительно, Оля проводила его до двери.

– До подъезда, Валерочка, тебя девушка довела. До подъезда, дорогой. – Соседка со второго этажа баба Валя осуждающе качнула головой. – Ты же хороший мальчик, зачем же так пить?!

– Баб Валь, это я... Извините меня, пожалуйста! Вы мне лучше скажите, как мы с ней расстались?

– С девушкой?! – Из глубоких складок морщин на Мельникова выкатались два глазных яблока. – Я разве знаю, как и почему ты с ней расстался?!

– Да нет же, господи. – Он принужденно рассмеялся. – Вчера... Она меня довела до подъезда, а потом?

– А что потом? Тебя посадила на лавку, ты сразу прилег. Мы потом с Михалычем... – Это был ее муж, старый, занудный, беззубый мужик. – Наверх и отвели, но ты уже немного оклемалялся. Дверь открывал сам, и в хату входил сам. И даже спасибо нам сказал. Неужели ничего не помнишь?! – Он со вздохом помотал головой. – Стыдно тебе должно быть, Валерочка.

– Не представляете, как! – хлопнул он себя кулаком по груди. – И Оля... Что она теперь обо мне подумает?!

– А чего ей думать-то о тебе, тью-юю! – Баба Валя присвистнула, сложив сморщенные губы трубочкой. – Она в машину села, да и тью-тью, укатила сразу.

– В машину?! – Валера насторожился. – В какую машину?!

– Это я не знаю, не разбираюсь я. Темная, длинная, вишневая, кажется. Но больше ничего не знаю, не спрашивай! Ты вон лучше у Пашки Домового спроси. Он как раз чуть в морду этой вишневой машинке не въехал. Орал еще, ну да он все время орет, ты же знаешь...

Пашку Домового за его склочный, неживчивый характер и луженое горло знал весь микрорайон, кажется. Он и прозвище Домовой получил из-за того, что постоянно дома чем-то гремел, стучал, орал, соседи с ума сходили просто. А так-то фамилия его была милой и безобидной – Зайчиков.

Домового дома не было.

– А я знаю, где его черти носят??? – тоже очень громко спросила жена Пашки Таня. – Ты, Валера, как спросишь тоже!!! Этой падле никакого покоя нету, и от него никому покоя! А про тачку он мне вчера рассказывал, сказал, что чуть на бабки не попал из-за этого фреера.

– Что за тачка, не говорил?

– А мне оно надо!!! – выкатила глазищи Таня. – Мне своих проблем жопой не сожрать, а я еще буду заморачиваться за тачку какую-то!!! Ты чего, Валера???

– Ладно. – Он поморщился, голова еще побаливала, а тут такой ор. – Скажи, чтобы позвонил мне, как появится.

– Скажу, – буркнула она и саданула дверью так, что Мельникову в глаза полетела пыль с притолоки.

Она, конечно же, ничего мужу не сказала, забыла. И Пашкиного звонка он напрасно прождал до самого вечера. Ушел на дежурство, а когда утром вернулся домой, то, минуя свой подъезд, сразу пошел к тому, где проживал Домовой с горластой супругой.

– Он спит! – огромной глазастой змеищей зашипела на Мельникова Танька. – Только пришел и спит!

– Слушай, если ты мне его сейчас не разбудишь... – Валера скрипнул зубами и выразительно помотал головой. – Я ему... И тебе заодно...

– О, о, только и знаете, что угрожать, – вякнула она и пошла будить Домового.

Тот выполз из прихожей минут через пять в мятых шортах по колено, с голым дряблым пузом, заспанной похмельной рожей и сбитыми в комок на макушке волосищами.

– О, начальник, здорова, – невесело осклабился Домовой, и глазенки у него забегали, заметались. – Какими судьбами?

– Сигнал на тебя поступил, Паша, – соврал Мельников.

– Какой сигнал, начальник?! Какой на хрен сигнал?! Танька, что ли, жаловалась?! Я ей быстро жопу отшибу! Танька!!! Иди сюда, корова хренова!!! – Та, будто из его кармана, появилась мгновенно. – Ты, что ли, Валерке стучала на меня?! Удавлю!

– Ладно бакланить-то, придурок. – Она двинула его мощным плечом так, что Домовой отлетел к стене, ударившись лохматой головой. – Ему про тачку у тебя надо спросить. Второй раз, между прочим, приходит.

– Про какую тачку?! – Пашка потер ушибленное плечо, замахнулся для порядка на жену и задвинул ее тут же себе за спину. – Про какую тачку, начальник?!

– Позавчера вечером во дворе ты чуть не въехал в темно-вишневый седан, – начал осторожно Валера.

– Так ведь не въехал же, начальник!!! – тут же заорал, как ненормальный, Пашка. – Он что же, настучал на меня, падла! Сам по двору под восемьдесят шел, а на меня настучал!!! Нет, надо было мне подставить свой таз под его холеную вишневую ряху! Вот запаadlo бы ему было мне платить, да?! Ведь я же, начальник, я был в преимуществе, понимаешь! Он гнал! И на встречу вышел!

– Разберемся, Паша, – серьезными глазами глянул на него Мельников. – Вот как найдем этого умника, так и разберемся. Поможешь?

– Чего? Разобраться? – Паша тут же сжал громадные ладони в кулаки и потряс ими. – Это я готов!

– Найти для начала, Паша. Найти помощи! Марка, точный цвет, номера, если запомнил. Ну?

Паша оторопело моргал минуты две, а потом вдруг задумался. Да серьезно так, да надолго. Потом тяжело вздохнул:

– Номеров не помню, Валер, хоть лопни! Помню, что транзитники, регион будто наш. Но точно... Нет, не скажу. А тачка «Ситроен», седан, темно-вишневый. Точно какой, не скажу, но представительского класса, дорожный. И будто новый даже, сиял так... Разве на таких машинах так надо зажигать?! Их беречь надо! Хотя, может, перед девицей ломался.

– Он с девушкой был?

– Да, сидела на переднем сиденье. Кажется, плакала. Может, испугалась, когда мы чуть не столкнулись? Все, начальник, больше ничем.

– А за рулем, за рулем-то кто был?

– Мужик.

– Описать сможешь?

– Описать? – Паша затосковал, оглянулся на дверной проем, где маячила Танька, но помощи от нее не дождался. – Описать не смогу. Да он даже из окна не выглянул, когда я на него орать начал. Просто съехал, уступил мне дорогу и укатил опять.

– Ну, хоть молодой, старый? Лысый, лохматый? В очках, в костюме или в рубашке? Хоть что-то ты рассмотрел?!

Валера чуть не плакал. Оля из-за него расстроилась настолько, что села в первую попавшуюся ей на пути машину с транзитными номерами и расплакалась сразу. И машина эта ее увезла в неизвестном направлении. И никто, никто не знает теперь, где она!!! Да что же это такое-то!!! Блин, блин, блин!!!

– Так это, Валер, в костюме он был, и в очочках таких тоненьких, не лысый, нет. Короткая стрижка... Все! Извини, начальник...

И Пашка, гад, удрал, напоследок громко хлопнув дверью. Таньке, правда, в этом искусстве он уступал, пыль в лицо Мельникову на сей раз не полетела.

Итак...

– Итак, у тебя есть алиби, скотина, – проворчал тем же вечером Володин, притащившись к нему в дом с пивом и килькой пряного посола. – Люди видели, как Оля оставила тебя на скамейке... Стыдобища-то какая, господи... Потом она поймала тачку и уехала. Хоть от этого легче, а то завтра прилетит это сокол и снова станет намекать на твою причастность к ее исчезновению. Теперь мне хоть есть чем его по мордасам отхлестать. Но вот Оля... Куда же она подевалась-то, Мельников?! Где ее искать-то?!

Валера не ответил, он грустил, страшно на себя злился и еще немного злился на Олю. Он ведь ей всегда запрещал ловить случайные тачки, а подавно ездить с незнакомцами. Могла бы, если что, и в квартиру к нему подняться, и остаться до утра, а потом устроила бы ему головомойку, обругала бы, а потом...

Потом простила бы все на свете его прегрешения и осталась с ним навсегда, не стала бы выходить замуж за удачливого дрыча.

– Слушай, Володь, а как он выглядит?

– Кто?

Володин старательно чистил кильку, отрывая ей головы и выпруживая кишки на плотный сверток из газет.

– Ну, этот Олькин будущий? Он как из себя?

– Да обычный бизнесмен, Валер. – Володин с пониманием хмыкнул. – Как они все выглядят? Накачанный торс, сильные руки, серые щеки, глубокие залысины, усталые блеклые глаза. Ничего особенного, поверь. Ты... Ты у нас кто?

– Кто?

– Ты у нас мачо! Настоящий мужик. А он всего лишь бизнесмен. С какими-то гребаными миллионами и протеиновыми мышцами. Не дрейфь, бродяга, мы ее найдем, и найдем раньше его.

Он не успел до конца еще выговорить, как им одновременно сделалось страшно. И понимали оба, что Володин имел в виду Олиного жениха, а не...

А не того извращенного уroda, раньше которого они должны будут найти Олю, но прозвучало так двусмысленно, так жутко, что какое-то время Володин даже прекратил отрывать голову килькам. Просто завис с растопыренными грязными пальцами, пряно пахнувшими рассоллом, с остановившимся взглядом и открытым, как от немого крика, ртом.

А Валера и вовсе зажмурился, упершись лбом в оконное стекло. Он не мог видеть теперь никого и ничего вокруг, Володин вмиг куда-то исчез, весь мир за окном, залитый солнцем и теплом, померк мгновенно.

– Если с ней что-нибудь... – выдавил он через силу, спустя долгие минуты тишины. – Я не знаю, Володь, как с этим потом жить... Надо ее искать, Володь!

– Уже начали ведь, Валер, ну чего ты? – обиженно засопел Володин. – Давай селедочницу и лук, хватит сопли пузырем пускать. Завтра у нас с тобой будет информация по всем темно-вишневым «Ситроенам» с транзитными номерами. И будем рыть. Мы же умеем это делать, Мельников! Если не мы, то кто же!..

Глава 3

Она засмотрелась на огромные напольные часы, которые всегда ее завораживали, с первой минуты, как она оказалась в этой комнате.

В его кабинете.

Часы были огромными, почти под два метра высотой, с прекрасным сверкающим циферблатом с римскими цифрами, острыми блестящими стрелками и большущим маятником. Маятник был большим, размером с маленькую сковороду, на которой она всегда готовила себе завтрак. Он не был таким блестящим, как циферблат и стрелки, но все равно казался ей самым значимым элементом этих прекрасных часов. Тусклое свечение медной вязи, что шла по всему периметру, на непонятном арабском языке, наверное, означало что-то. Она что-то гласила, предсказывала, а может, предостерегала, может быть, даже ее! И спроси она хозяина кабинета, непременно прочел бы ей эту надпись, он был очень умным и образованным. Она, возможно, поразила бы всеобъемлющей глубине этих фраз, прочесть которые сама была не в силах.

Но она не спросила. Скорее всего, подобная просьба для прислуги показалась бы странной обитателям этого громадного дома. И маятник, плавно раскачивающийся слева направо, справа налево, продолжал хранить тайну, как, впрочем, и весь этот странный дом с загадочными обитателями.

И зачем она здесь?! Почему не уволится?! Сколько она уже здесь? Полгода? Да, через пару дней будет ровно шесть месяцев, как она нанялась горничной в этот дом. Она хотела...

Ой, да ладно об этом! Она много желала, как оказалось. Однако вышло все иначе. Ничего не узнав, ничего не проанализировав, ни за кем не понаблюдав, просто увязла в своих обязанностях, как муха в варенье. С утра до ночи моет, стирает, развешивает, снимает, гладит, натирает паркет. Господи, пускаясь в эту сомнительную авантюру, она не думала, что будет так физически тяжело. У нее на ладонях появились мозоли! За всю жизнь не помнит, чтобы они у нее были. Даже в летнем лагере, где их заставляли тпать помидорные грядки, не было ничего подобного.

– Эльза! Эльза, ты где? – заорал что есть мочи муж молодой хозяйки.

Девушка вздрогнула, крепче схватила метелку для сметания пыли и тут же принялась энергично махать ею по мебели.

Вообще-то ее звали Лизой, а точнее, Елизаветой Степановной Сориной, коей она являлась по паспорту, двадцати пяти лет от роду. Достаточно симпатичной, кареглазой блондинкой среднего роста, с приятными округлостями там, где им надлежало быть, с высшим образованием, достаточно высоким рейтингом и такими же амбициями. Все это было еще полгода назад, до тех пор, пока она не взвалила на себя непосильную ношу. Когда-то она хотела пойти в аспирантуру, обдумывала темы будущих научных трудов. Теперь...

Нынче она сметает пыль с чужой мебели, гладит, убирает, стирает и откликается сразу на несколько имен, по большей степени собачьих.

Молодой хозяин – Стас по фамилии Игнатенко, – сорокалетний противный мужик, называл ее Эльзой, с какой стати, непонятно.

Его жена Аллочка Жукова, оставившая в замужестве фамилию отца, цыпочка модельной внешности, называла ее Элизабет.

Ее отец, он тоже жил в этом доме, кстати, в его кабинете она теперь зависла, звал ее Лизонька. Причем после «з» ей всегда слышалось «а», выходило Лизанька, и ударение падало у него туда же.

А пришлый господин Казначеев Игорь Васильевич – ее мучитель и самое главное испытание, звал ее запросто Лизкой. И получалось у него всякий раз по-разному. То мило и тепло, то противно и оскорбительно.

Больше ни с кем в этом доме она не контактировала. Еду не готовила. Гостям не прислуживала. Для этого имелись еще люди в штате домашней прислуги. За детьми не ухаживала, их попросту не было. В саду и у бассейна работал молодой загорелый парень, неулыбчивый и угрюмый.

– Эльза, какого черта! – возмущенно зашипел Стас, нарисовавшись в дверном проеме кабинета старого хозяина. – Я че тебе ору, ору, а ты будто сдохла!

– Я жива. – Лиза пожала плечами, стараясь не смотреть на его вытянувшееся неприятное лицо. – Просто работаю.

– Понятно...

Она угадала, что ноздри у молодого хозяина шевелятся и раздуваются.

– Понятно... – снова повторил он. Оттолкнулся от притолоки, шагнул к ней, поймал за хвост метелки, потянул на себя. – Теперь пойдем, поработаешь у меня. Там жутко много пыли. Ну! Давай, давай, шевели своими толстыми коленками!

Коленки у нее были супер! Они были у нее классными – гладкими, нежными и ей нравились, но эта гля в образе молодого хозяина всегда считала своим долгом уязвить ее, ущипнуть, унижить. Он всегда находил ей работу.

Пыли у него в кабинете не было и быть не могло, ведь час назад там убирала. Этому безликому чудищу просто было скучно. Ему хотелось развлечься, а не с кем было. Жены не было дома, тестя тоже. Вечный гость и товарищ Казначеев Игорь находился в отъезде. С другой прислугой Стас обращался чопорно и надменно.

Кто оставался? Правильно, она.

Он втокнул ее достаточно грубо в свой кабинет, размерами уступающий кабинету старого хозяина. Запер дверь, привалился к ней спиной, скрестил руки перед грудью и проговорил:

– Ну! Чего рот раззявила, убирайся!

– Тут чисто, – спокойно ответила Лиза.

Не возложи она на себя миссии, давно бы отметелила этой самой метелкой этого надменного урода. И уволилась потом. Но было нельзя давать волю чувствам. Необходимо было терпеть, молчать и чуть-чуть провоцировать.

– Где чисто? Где? Ты под стол заглядывала? Или твои си...ки не позволяют тебе низко нагибаться?

Взгляд его глубоко посаженных серых глаз сделался до того плотоядным, что ее затошнило, в голову сразу полезло: а вдруг все же это он? Что, если она не ошиблась в первом своем предположении?!

– Ну, чего замерла, Эльза? – чуть тише и утробнее молвил Стас и широко шагнул к ней от двери. – Помочь нагнуться, а?

Она чуть-чуть совсем приподняла подбородок, глянула на него с вызовом, нервно прошла язык по губам. И подумала: «Ну, помоги, сволочь, помоги. Так, как ты моей подруге, возможно, помог. Помоги! Чего замер?! Боишься?! А когда душил и насиловал бедную Сонечку, не боялся?! И когда ее пяточки резал ей в клочки, не боялся?!»

Ее взгляда он не понял. Обошел ее трижды по кругу. Встал за спиной и задышал шумно в затылок.

– Эльзочка... – хрипло произнес Стас через пару минут. – Ты очень... Очень сочная и приятная... А ну подними краешек платица. Быстро, я сказал!

Платице было непозволительно коротким, обязательное требование к ее униформе. Оно было тонким, темно-синим, коротким, без рукавов, с белым кружевным фартучком. Еще она обязана была носить, невзирая на погодные условия, чулки с подтяжками, это очередное требование. И кружевную наколку в волосах.

Лизу в ее рабочем наряде не смущало ничего, если честно. Платье сидело на ней великолепно. Чулки носить она любила. Наколка позволяла не особенно заморачиваться с прической, она просто зачесывала гладко волосы, скрепляла их заколкой и цепляла сверху кружевную нахлобучку.

Все было супер, кроме теперешнего требования молодого хозяина.

Если она чуть приподнимет платье, то обнажится ее зад, перепоясанный тонкими резинками от кружевного пояса, с ажурным треугольником ее крохотных трусиков.

Как это чудище отреагирует, интересно? Станет ломать ее прямо тут или подождет до вечера и затащит в свой джип, как Сонечку?!

Нет, тут он ничего такого делать не станет. Слишком много народу в их доме; кроме нее кухарка, садовник. Их будто бы и не видно в доме, но они-то все видят, они вездесущи.

Он подождет до вечера, однозначно. И надо сделать так, чтобы до вечера этот урод не передумал. И потащил ее в свою убогую нору, где он совершает страшные оргии с бедными девушками, а там-то она ему покажет! Там она сумеет с ним справиться.

– Подними платье, Эльза... – заикающимся шепотом потребовал Стас, и его потная рука поползла по ее предплечью. – Задери подол, толстуха...

Лиза спокойно взялась за подол двумя руками и медленно потащила платье кверху. Стас за ее спиной ахнул, охнул, вдруг упал на колени и зашептал судорожно и нервно:

– Господи, господи, какая попка!!! Господи, какая у тебя попка, Эльзочка. Я потрогаю, ладно?!

Не дожидаясь разрешения, он принялся дергающимися пальцами гладить ее зад. Сползал пальцами по ее ногам к коленкам, к пяткам, снова забирался вверх. Она терпеливо стояла, все время прокручивая в голове сцену опознания своей мертвой подруги.

Ради нее она тут! Ради того, чтобы вычислить, чтобы поймать с поличным, чтобы отомстить! Она все вытерпит!!! И даже слюнявые поцелуи этой мрази. И даже то, чем он теперь собрался заниматься, стоя на коленях сзади нее. Пусть развлечется сам с собой, если это его утешит, *она утешится потом*. Когда будет делать с ним то же самое, что он сделал с Сонечкой. С ее бедной милой подружкой, доверчивой и чистой, как первый снег.

Все закончилось очень быстро. Она не чувствовала, угадывала скорее по шорохам за своей спиной, что он все закончил, обо что-то вытер руки, застегнул штаны, прополз на коленках до стола. Долго гремел ящиками, шуршал, чертыхался. Потом встал в полный рост, шмякнулся на кожаный диван. Потянулся и произнес с зевком:

– Опустит платье, корова. И можешь идти. И это... Никому ни слова, иначе я тебя...

– Что? Убьете?

Лиза не должна была дерзить, она дала себе слово, что ради дела будет послушной, покорной, потерпит унижения, но не сдержалась. Последнее слово она выговорила с особым нажимом, надеясь произвести на него должное впечатление. Напугать, давая понять, что она знает о нем нечто.

– Ой, да нужна ты мне, – хихикнул Стас, сонно моргая; он не напугался и не проникся. – Убьете! Вот ляпнула! Я за свою жизнь кошки с воробьем не убил. Ты чего, Эльза? Кстати... Ты ведь станешь молчать, так?

Она кивнула, с силой стискивая зубы. Ее мозг снова запротестовал сомнениями. В который раз за последние полгода.

А вдруг это не он?! Вдруг это не тот дядечка, который посадил ее Сонечку в черный джип тем роковым вечером?! А кто тогда, кто??? Кто еще из обитателей этого загадочного страшного места может быть причастен??? Все остальные вполне нормальные, адекватные люди. Только этот позволяет себе подобные мерзкие шалости в ее присутствии. Никто больше ни разу не коснулся ее пальцем. Никто! Только этот урод. Но...

Он таким безвольным кажется, таким мягкотелым. Представить его со стиснутыми пальцами на безвольной девичьей шее практически невозможно, и с ножом, кромсающим нежную плоть, тоже.

Тогда кто вместо него?! Кто??? Это он был за рулем машины, которая подвозила Сонечку в тот вечер. Очевидцы свидетельствовали, называли номер машины, описывали приметы, но Стас отбрыкался, спрятавшись за частоколом из спин адвокатов.

– Я высадил ее за два квартала от того места, где подобрал! – верещал он на допросах. – Она могла еще к кому-то пересесть! У меня есть алиби!!!

Алиби, в самом деле, потом сыскалось. От Стаса отстали. И все, больше ни одного подозреваемого. Ни единого. А девушки продолжали пропадать темными вечерами. А потом продолжали находиться мертвыми, истерзанными.

– Мы делаем все, что можем, – отводил от нее растерянный взгляд один из оперов, кажется, Мельников была его фамилия. – Но ни единого следа, ни единого!

– Зачем вы отпустили этого урода?! – плакала, скорчившись на стуле перед ним, Лиза. – Я уверена, это он! Я уверена!!!

– Гражданка Сорина, успокойтесь, прошу вас. – Он неуклюже совал ей в руки бумажный носовой платок. – Успокойтесь... У нас нет доказательств его причастности. Он просто подвез вашу подругу и все. Потом его видели десятки людей в окружении его семьи. Он ужинал тем вечером потом в ресторане, понимаете?

– Он мог ее спрятать, а потом... Надругаться и убить! – спорила она до хрипоты.

– Мог, но я... Я не могу этого доказать. Не могу! – Его руки раз за разом безвольно падали на стол.

– Понятно! Мне все понятно! Если бы это была ваша родственница или девушка, вы бы тогда все сделали, все! Вы бы из этого урода всю правду вытрясли! Вы бы есть, пить, спать перестали, лишь бы поймать этого урода. Но я вам докажу! Докажу, что это он!!!

После этих слов она больше ни разу не видела этого парня. Она уволилась с престижной должности в процветающей компании, немного упростила свою внешность и гардероб и постучалась в двери дома, где жил этот монстр. Постучалась и попросилась на работу. Сначала ей ответили, что персонал им больше не нужен. Но она согласилась работать за еду и крышу над головой первое время, и ее взяли.

Прошло полгода...

Почти сто восемьдесят дней, а она ни на шаг не приблизилась к разгадке. Иногда казалось, как вот теперь, что он сорвется и проявит себя, что его мерзкая преступная похоть вырвется из-под контроля, и он потащит ее в свою нору. Но через минуту урод становился ленивым, сонным и практически безвольным. В такие минуты его самого можно было тащить куда угодно.

– Эльзочка, ты ведь будешь молчать, так? – Стас сделался жалким, просящим, трусливым. – Ты ведь даже не намекнешь никому, чем мы с тобой тут занимались, нет?!

Мы с тобой??? Она чуть не плюнула ему в его мерзкую харю, но вместо этого просто качнула отрицательно головой и шагнула к двери.

– Спасибо, Эльзочка, спасибо, малышка, – шепнул он ей в спину. – Боже, какая же ты сочная, какая аппетитная. Какая же у тебя попка, а пяточки...

Глава 4

Что он натворил??? Что наделал??? Сломал свою жизнь! Прикончил ее собственными руками! Он...

Идиот, господи, какой же идиот! Разве стоило ради прекрасных глаз обычной шл...хи так все коверкать?! Зачем надо было ставить на кон свою удачу, все положение ради ее одобрения?! Да она же...

– Она шл...ха! Просто шл...ха! Таких много, их сотни, тысячи!

Он глянул в зеркало, висевшее над камином. В нем отразилось его измученное небритое лицо, взлохмаченные волосы, больные глаза.

– Как ты мог?! – спросил он сам у себя. – Как ты мог так поступить с собой???

Тут же взгляд пополз по дорогой, модной комнате, обставленной с аукционов, как и все остальные в его доме, кроме одной.

Он со стоном выдохнул и схватился руками за голову. Нужно было принимать решение. Единственно верное, от которого зависит вся его дальнейшая жизнь и карьера в том числе. Он всегда был мастером принимать решения, потому и взлетел так высоко и так быстро. Но теперь...

– Владимир Сергеевич, – в дверь осторожно стукнули, и та чуть приоткрылась. – Владимир Сергеевич, она кричит!

– Ванька, сгинь! – рявкнул Владимир и снова с тоской заглянул в зеркало.

Дверь тихо прикрылась, но Ванька остался за ней. Остался ждать, когда схлынет гнев хозяина.

Ванька был его правой, левой рукой, легкими, желудком, организмом всем, помощником, денщиком и еще бог знает кем. Подобрал он его в сильно помятом состоянии после одного из боев без правил. Парня, поиспользовав, вышвырнули вон в буквальном смысле. В заказном бою Ваня играл роль подставного, вот и выкинули его за городом на свалке, как кусок мяса. Его хозяева сильно надеялись, что парень не выживет. А он выполз на дорогу, где его и подобрал Черных Владимир Сергеевич. Подобрал, довез до больницы. Наутро наведалься туда и выслушал неутешительный прогноз.

– У парня отбиты почки, легкие, разрыв селезенки, вытек глаз и поломаны ноги в трех местах. Жить будет, но инвалидность обеспечена, – поцокал языком оперирующий хирург.

Потом принял из рук Владимира приличную сумму и проговорил с улыбкой:

– Но сделаем все, что в наших силах.

Внутренности и конечности Ивану подлатали. Глаз протезировали. Но вот с душой у того сделалось что-то неправильное. Он вдруг решил, что всю свою оставшуюся калечную жизнь должен посвятить служению своему спасителю и благодетелю.

– Меня больше нет, – изрек он мрачно, стоя перед Володей на коленях. – Я ваш раб, Владимир Сергеевич. Вы можете делать с моей жизнью все, что угодно.

– Ванька, дурак ты. – Черных с жалостью смотрел в искореженное травмами лицо. – Что мне с твоей жизнью делать-то прикажешь?

– Распоряжаться. Моей жизни больше нет, она в прошлом, – просто ответил тот. – Но для начала в той прошлой жизни мне нужно завершить кое-что.

Ванька пропал и отсутствовал неделю. Потом молча явился, поселился у него в цокольном этаже в крохотной комнатке рядом с котельной. И стал служить ему верой и правдой. Лишь спустя пару лет Черных узнал, что Ванька без лишнего шума и преследований похоронил всех своих обидчиков. Сделал это так грамотно и не наследив, что его даже ни разу не дернули на допрос в качестве возможного подозреваемого.

– Владимир Сергеевич, – снова глухим голосом позвал из-за двери Иван. – Надо что-то решать, завтра придет Зоя.

Зоя была кухаркой и горничной. Ее не было неделю, отпросилась к детям. За это время все и случилось. Завтра Зоя должна вернуться, и тогда...

– Владимир Сергеевич...

– Ванька, ну что ты заладил?! Что?! – взревел Черных, подскочил к двери и шарахнул по ней кулаком.

Иван стоял, не шелохнувшись, но носок ботинка своевременно под дверь подставил, чтобы не получить по носу. На хозяина он смотрел, как собака. Преданно и нежно заглядывал в глаза, готовый к любой команде. А какую команду он ему даст? Какую?! Он и сам не знал.

– Она кричит, – повторился Иван. И снова заглянул Черных прямо в душу. – И плачет без конца. Что станем делать?!

– Угрожает? – вспомнил он утреннюю истерику своей пленницы.

– Уже нет.

– А что говорит, когда кричит?

– Ну... Чтобы отпустили, что это ничего не изменит, что она все равно... Все равно вас не любит, – закончил Иван почти шепотом.

– А кого же она любит?! Кого?? – озверел он сразу же и схватился за Ванькину рубашку в области воротника. – Этого чмыря?!

– Она не уточняет.

Он не стал выдергивать свой воротник, не сделал попытки увернуться от хозяйских пальцев. Просто стоял и ждал, когда гнев хозяина поутихнет и можно будет решить хоть что-то.

Так дело оставлять было нельзя, было очень опасно.

Девица, словно заведенная дьяволом, орала и орала. При этом голос ее отливало металлом и даже не хрипел. И оттого, что силы ее не иссякали, а только крепи, питаясь злостью, Ивану было особенно не по себе. Одно дело решать вопрос с ослабевшей вялой бабой. Другое – с полной сил и решимости львицей.

Та, что бесновалась теперь в кладовой, была львицей. Без боя она не сдастся. Станет выть, орать, царапаться, лягаться, драться, привлечет внимание, поднимет шум. Нет, можно было бы, конечно, и пристрелить ее, просто распахнуть дверь и пальнуть прямо в центр ее великолепного лба. Но огнестрел в данном случае не подойдет. Это очень опасно, может разоблачить, вывести на его хозяина, а за него он всего себя отдаст по кусочку.

Что же с ней делать?! Жрать она не жрет, пить тоже отказывается. Так что снотворным ее не накачать. Что делать?!

– Ваня... – Черных отпустил его воротник, уткнулся лбом в спину своего раба. – Ваня, что делать?! Я не представляю!!! Я не знаю, что мне с ней делать?! Она же... Она же не простит мне этого. Нет?

– Нет, Владимир Сергеевич, – осторожно, чтобы не задеть хозяйского лба, мотнул головой Иван.

– И наступит?

– Да.

– И нам с тобой не оправдаться?!

– Вряд ли.

– Тогда что? Что?!

– Я все решу, Владимир Сергеевич, вы только прикажите, – взмолился Иван.

Он, если честно, уже пару дней назад предлагал ему это. Сразу, как все пошло не так, не по задумке, предлагал. Черных отказался. Он тарачил глаза, шипел на него страшно, обвинял в кровожадности и еще бог знает в чем, отказывался.

Иван знал, что сделать это ему с ней все равно придется, выхода потому что не было. И хрен с ней, что повозиться придется, и все равно, что баба может шум поднять, он с ней справится, он уже все продумал. Тогда они останутся вне подозрений, но вот команды все не поступало и не поступало.

– Решит он! – Черных от него отшатнулся, как от прокаженного. – Что ты решишь? Что?!

– Все. – Иван медленно повернулся, глянул на хозяина. – Вам надо будет просто уехать из дома ненадолго. Дня на два-три, скажем. И быть на людях все время. А я... Я все решу.

– А Зоя?!

– Зое я скажу, чтобы еще отдохнула. Чего ей тут, раз вы уезжаете?

Иван говорил тихо, методично, почти без эмоций, и от этого-то Владимиру было особенно страшно. Он не представлял, мог только догадываться, что тот станет делать с бедной девушкой.

Ого! Она уже и бедная! А минут пять назад была шлюхой. И ненавидел он ее в ту минуту. А теперь что же, жалеет? Нет, расслабляться нельзя. Нельзя! Пусть Ванька все решает, он сможет, не наследит.

– Ты правда все решишь? – спросил он через паузу измученным задушенным голосом.

– Да, – бесцветно, тихо, ровно.

– И ты... Ты сможешь отвести от нас подозрения?

– Сто процентов, – кивнул Иван и невольно закусил губу.

Он не был уверен, вот в чем проблема, не был уверен в том, что на вопросы не придется отвечать.

Нет, он сделает все бесшумно, так, что подозрений не будет, но вопросы задавать им все равно станут. Это по умолчанию.

– Ладно, Ваня. Ладно. – Черных хлопнул его по плечу, сгорбился и, тяжело волоча ноги, зашагал к своей комнате. – Делай, что считаешь нужным.

– Хорошо, – кивнул он. – Хорошо. Вы... Вы не станете с ней больше говорить, Владимир Сергеевич?

– Последнее слово? – Черных с ужасом передернулся. – Нет! Я иду собирать вещи. Утром я заеду в одно место, сам знаешь куда, потом сразу в аэропорт. Зое мне звонить, или ты сам?

– Сам, – безошибочно угадал настроение хозяина Иван. – Я позвоню ей сам. Отдыхайте...

Хозяин укатил из дома на следующий день в начале девятого утра. Гладко выбритый, сильно надушенный, в тонкой сорочке из дорогого батиста, тонких льняных брюках, замшевых мокасилах на босу ногу. Он нес в руках дорожную кожаную сумку и кейс, когда столкнулся с Иваном на выходе.

– Вы без завтрака?

– В городе, все в городе, – на ходу откликнулся Черных, выскакивая из собственного дома, как из преисподней. – Все, я позвоню...

– Когда? – крикнул ему в спину Иван.

Но ответа не последовало. Хозяин прыгнул в машину и укатил, оставив его один на один с сумасшедшей проблемой, чего-то затихшей в кладовой. Уже пару часов как молчит.

Иван еще раз набрал Зою, поболтал с ней, все больше для того, чтобы удостовериться, что она невзначай не нагрянет с глупой бабьей башки. Зоя даже не выезжала еще от детей, обрадовавшись вчерашнему предложению продлить свой отпуск.

– Как вы там без меня, Ванюша? Не разнесли еще дом в пух и прах? – рассмеялась она, готовясь проститься.

– Все нормально, Зоя. Все чисто, – соврал он.

На самом деле он ни разу не взял в руки пылесоса и тряпки с тех пор, как в кладовой поместили пленницу, некогда было. Все время приходилось прислушиваться и наблюдать за воротами. Не дай бог, нагрянет кто-нибудь, а у них тут такое!

Небеса были на их стороне, за эти дни ни одна сволочь не навестила их дома. Никто не ткнулся пальцем в звонок на воротах, не прогундосил в домофон и не напросился в гости. Вот и запустил за наблюдениями дом. Ничего, Зойке делать нечего, наотдыхалась, слава богу.

Он прошел все этажи комнату за комнатой, отметив про себя, где особенно пыльно. Зашел на кухню и без аппетита съел приготовленный на двоих завтрак. Каша получилась пересоленной, правильно хозяин сделал, что не остался. Кофе остыл, тосты высохли и скорчились, напоминая вкусом и видом картон.

Иван вымыл посуду под раковиной, считая барством загружать посудомоечную машину двумя тарелками. Тщательно вытер столешницу, обеденный стол сначала влажной тряпкой, потом сухим полотенцем, затем пошел в мастерскую.

Он долго стоял перед верстаком, рассеянно рассматривая предметы, развешанные по стенам. Прикидывал, рассчитывал, думал. Решил, что ничего не годится. Перешел в дальний угол к металлическому шкафу, долго рылся в ящиках, пока наконец не нашел то, что ему было нужно. Тонкая металлическая проволока, прочная и гибкая, как леска. Он откусил кусочками кусок длиной полметра, тщательно закрепил концы на деревянных ручках, дергал, натягивал, получилось вроде прочно. Ладно, что не выйдет с проволокой, он доделает руками. Но стрелять девку он точно не станет, хотя и было из чего, это даже с глушителем опасно. Мало ли кто мог услышать странный хлопок. Вдруг догадаются? Маловероятно, конечно, но вдруг?

Теперь бы хозяин не пожалел о своем решении, он же любил ее, любил. Вдруг опомнится, когда схлынет злоба, и пожалеет?

Приготовив орудие решения проблемы последних напряженных дней, Иван сел у телефона и замер. Вернее, телефонов было сразу три. Один домашний и два мобильных. Они лежали рядом. Иван искренне надеялся, что по одному из трех телефонов его хозяин непременно позвонит. Он дал ему час времени.

Черных позвонил через сорок минут.

– Ванька? – осторожно спросил тот, позвонив на домашний.

– Я.

– Как там у тебя?

– Все тихо.

– Как это тихо?! – заволновался тот сразу. – Она что, перестала орать?

– Да.

Иван тут же снова прислушался, в кладовке было тихо.

– Ты смотрел ее?

– Нет.

– А чего так?

– Завтракал, – безмятежным голосом ответил работник.

– Ну ты... Ну и нервы у тебя! – невольно восхитился Черных, помолчал минуту. – Заявление я оставил.

– Приняли?

– Да. Хотя и с большой неохотой.

– Вопросы были? – насторожился Иван.

– Нет. Спросили про машину. Я сказал, что в моем гараже такой нет.

– Про машину?! – Иван вдруг переполошился. – А как они?.. Кто-то видел? Запомнил?

– Они туману напускают, но, думаю, соседи видели.

– Ладно... – промычал Иван.

А про себя тут же подумал, что дело дрянь. По тачке выйти на него раз плюнуть. Черных – нет, тот не пострадает. Он вообще видел эту колымагу и сидел в ней единожды. Сквозь темные стекла его никто не рассмотрел, а вот на него выйдут запросто.

Черт, черт, черт!!!

Иван так сильно сдвинул телефонную трубку, что последние безмятежные слова его хозяина прошли словно сквозь вату, только потом он о них вспомнил, когда уже отключился, и замер возле телефонов, стройным рядом лежащих перед ним, один домашний и два мобильных.

Что сказал Владимир Сергеевич? Что вылет у него через час? Что он уже прошел регистрацию? Да, кажется, так. И что прилетит непременно загоревшим и отдохнувшим. И что ему – отдохнувшему, конечно же, не хочется разгребать проблемы по возвращении. Ему даже вспоминать обо всем этом не захочется.

А он что ответил ему?

– Я все решу, – коротко обронил он.

И теперь он должен это сделать.

Иван погладил стальной корпус своего мобильного. Ему нравилась эта игрушка – подарок хозяина. Он не особенно бывал щедр и не часто, но вот эту игрушку, очень дорогую, ему подарил к Рождеству. Иван подарком дорожил.

Не так уж много было у него в жизни подарков. Главным подарком оказалось его умение держать удар и быть первым в боях без правил. Он всегда выходил победителем, всегда! Но один раз уступил просьбе своего прежнего хозяина и согласился проиграть. Он не знал, соглашаясь, что его просто решили убрать с ринга. Такого вот непобедимого, негибаемого, не чувствующего боли и редко идущего на компромисс.

Его убивали тем вечером, просто убивали, с удовлетворенной улыбкой, смакуя. Толпа улюлюкала и тыкала перевернутыми большими пальцами в пол. Потом выбросили за городом издыхать, а он взял и выжил. Убрал потом всех своих обидчиков, тихо, без лишнего шума и суеты, и главное, чисто! А после исчез с глаз долой, немного подретушировал внешность, начал одеваться иначе. Совсем перестал походить на себя, не узнавал его никто при редких встречах. Хотя, он знал, его не искали.

Не нашли бы, начни искать! Ни за что не нашли.

И тут этот прокол с тачкой! Угораздило его купить ее, а! Зачем она была ему нужна, если у Черных полный гараж разномастных тазов!

– Зачем тебе она?! – вытаращился, когда увидел, Владимир Сергеевич. – Моих, что ли, мало?!

Иван промолчал.

– Ладно, пусть стоит, – позволил тот великодушно. – Может, пригодится когда. Надеюсь, ты не на себя ее оформил? Ума-то хватило?

Ума не хватило. Именно на себя он ее и оформил, но он не признался.

Теперь что будет? Теперь по этой тачке на них могут выйти? Но разве же знал он тогда, что все так обернется?!

Он вдруг почувствовал, как у него задрожали колени, прямо как в тот раз, когда он вышел на ринг проигрывать. Так же вот сделалось смрадно и страшно, а колени подогнулись. Иван провел подрагивающей рукой по коротко остриженным волосам, голове было прохладно, значит, где-то сквозняк. После того страшного избиения он малейшее дуновение своей башкой чувствовал. А лопатками опасность.

Он насторожился и прислушался.

Нет, в доме тихо. Слышно даже с того места, где он стоял – в центре холла у входной двери, – как тихо урчат в кухне морозильники и тикают часы в столовой. В доме никого нет, кроме заполошной девицы, вдруг подозрительно затихшей. А сквозняк, потревоживший его затылок, мог произойти и оттого, что дуло в замочную скважину, такое уже бывало.

Иван нащупал в кармане удавку, что смастерил собственными руками. Еще раз обошел весь дом, на всякий случай присматриваясь к окнам и форточкам. Одна, на площадке между

первым и вторым этажом, и впрямь моталась на ветру распахнутой, он ее прикрыл и пошел в кладовку.

Кладовка вполне могла быть жилой комнатой, как-никак двадцать квадратов, там было и тепло, и сухо. Мог бы и он туда перебраться, в его конуре рядом с котельной ему сделалось вдруг тесновато от нажитых у Черных вещей и книг, которые он взялся читать с упоением, но в кладовке отсутствовали окна, и хозяин запретил.

– Мало ли что, Ванька! Вдруг пожар!

– И что?

– Как что?! Окон нет. Так и сгоришь заживо! Заживо себя похоронишь!

Он мог бы добавить, что заживо его уже хоронили, но промолчал. Принял решение Владимира Сергеевича, как единственно верное, и теперешнее его вынужденное решение он принял, хотя...

Хотя в глубине души, на самом, самом, не покрытом шрамами дне, теплилось какое-то странное чувство к этой бешеной девице. Это была не жалость, он давно уже никого не жалел. Это было любопытство, наверное. Недоумение, может быть. Непонимание.

Разве можно было так поступать с Владимиром Сергеевичем?! А раз поступила некрасиво, а он не понял, смирись! Сделай так, как тебе велят!

Она не сделала, бунтовала, орала, царापалась, швыряла в стену и дверь подносы с едой, и тарелки. Иван перестал ей их туда носить. Что проку? Все равно все превратит с мусор, а ему потом убирать. Все же ему убирать-то! И следы ее бешенства, и следы ее присутствия. И уборку он наметил на сегодняшний вечер и ночь. Сейчас, вот сейчас он успокоит бесноватую, а потом...

Дверь он запирает! Он точно помнит, что запирает! Надежный взрезной замок с хитрым поворотом длинного ключа: два поворота влево, три назад. Он все это проделал! Чего тогда?! Чего дверь приоткрыта?! Свет пробивается тонким лучом. Его взгляд, как заколдованный, замер на острой светящейся полосе на дубовом паркете. Это говорило о чем? О том, что дверь не заперта! О том, что девицы в комнате нет! Потому и тихо, потому и...

Как такое возможно?! Как такое могло произойти?! Когда он ослабил внимание?! Когда она сумела выбраться отсюда?! Чем отперла дверь?!

– Эй, малышка, – неприятным, не своим голосом позвал Иван и потянул на себя дверь кладовки. – Эй, малышка, ты чего?

За дверью было тихо, но он мог поклясться, что комната обитаема. Там кто-то притаился, замер. Дыхание было осторожным и пугающим. Иван напряг ноги, крепче сжал в ладонях ручки удавки и снова позвал:

– Эй, малышка... Ты чего там, а? Я пришел выпустить тебя... Давай, не дури!

Дыхание, что чувствовал Иван каждым нервом, сделалось плотным, грубым, оно наполнилось ледяным холодом, оно обожгло его легкие удушьем, застило его взгляд кровавым маревом.

Дыхание смерти, мелькнуло у него в мозгу за мгновение до того, как дверь кладовки с силой отлетела в сторону и, с хрустом вспарывая хрящи, в его кадык вонзился острый кусок осколка кафельной плитки...

Глава 5

– Я нашел машину, Валера!!!

Перед Мельниковым, тяжело дыша, стоял потный Володин и мотал перед его носом компьютерной распечаткой.

– Я нашел ее, нашел!!! Ух-ух-ух!!!

Володин молодым бабуином прошелся по кабинету. Поколотил себя в грудь растопыренными ладонями, плотно зажимая листок между большим и указательным пальцами правой руки.

– Я ее нашел!

Мельников сдержанно кивнул, настороженно наблюдая за перемещениями друга по комнате. У него дернулось левое веко и больно кольнуло в груди, когда он услышал новость, но приказал себе не пугаться раньше времени. Раз Володин ликует, стало быть, не все так ужасно.

Он потер вспотевшие ладони о штаны, протянул руку:

– Ну!

Володин спрятал бумагу за спину. Лукаво улыбнулся.

– А сплясать?

– Щас как заряду в лоб, будет тебе танго! – прохрипел Мельников. – Чья тачка? Засвеченная?

– Да вроде нет, нормальный чел. В базе нет его. Иван Голубев, тридцати лет. Машину приобрел три с половиной недели назад. Транзиты еще не поменял.

– Что так?

– А я знаю? Может, блатные номера ждал. Короче, адресок там внизу. Поехали?

– Поехали, – кивнул Мельников и полез из-за стола.

Палящее солнце июня вспышкой ударило по глазам, стоило выйти из здания управления. Горячий асфальт жег пятки сквозь подошвы ботинок. Обильно приправленный выхлопами городской воздух кисельно колыхался над мостовой. Рубашка тут же прилипла к спине, по вискам и шее поползли капли пота.

Мельников поймал себя на мысли, что он боится не сдержаться, встретившись один на один с тем самым нормальным «челом», что увез его Олю на своем «Ситроене» с транзитными номерами. А что, если она до сих пор у него, решила оставить своего нареченного ради этого лихого водителя? Он же не просто так оказался возле дома Мельникова, приехал туда по Олиному звонку. Это же точно! О ее перемещениях не могли знать, если только не следили.

А могли?!

– Слышь, Валер, расслабился бы ты, а? – попросил его друг Володин, забираясь в огненное нутро машины. – А то, чего доброго, дел натворишь при встрече с этим Голубевым Иваном.

Встречи не получилось. Квартира, где значился зарегистрированным Голубев, была на замке, на звонки никто не открыл.

– Что будем делать?

Мельников подбоченился, тяжело задышал. В голове тут же сложилась повесть неожиданного романа Ольги с Голубевым, ее стремительное бегство от алтаря.

– Будем тревожить соседей, – смахнул он с себя душевную маету, – как в любимом кино: ты на первом, я на третьем...

Повезло, как ни странно, снова Володину. Тот наткнулся на словоохотливую молодую мамашу, нянчившую сонного полугодовалого ребенка.

– Щас, я его в кроватку положу, – сказала она Володину и пригласила кивком зайти.

Вернулась в прихожую через минуту, обмахнулась чистой пеленкой, вытерла пот с лица, улыбнулась.

– Вы уж извините мой внешний вид, умотал малыш, умыться некогда. Да и жара. Так что вы хотели узнать про Ваню?

Женщина не пригласила его в комнату, оставила стоять у двери. Видимо, забывая умываться, она забывала и про уборку комнат.

– Меня интересует, где он? Кто он? И с кем он? – приветливо улыбнулся Володин, он мог быть милым, когда захочет.

– О-оо... – Женщина надула щеки, сделала круглые глаза, потом с шумом выдохнула. – Вы опоздали, уважаемый, на год почти опоздали.

– То есть? – не понял Володин.

– Вы спросили, где он? Отвечу – скорее всего, на кладбище. Потом вы спросили: кто он? Боец! Хороший боец. – Она сделалась печальной. – Бои без правил, знаю на сто процентов. Потому что мой муж на ставках, уж извините, но что было, то было, неплохие деньги на нем поднимал, пока Ивана не убили. Ну а с кем он, догадаться не трудно. С теми, кто рядом с ним лежит.

– Оп-па!!! – Володин оторопело замотал головой. – Но как же так?! Кто подтвердит факт его смерти, если документально... Н-да, конечно, понимаю. Вопрос не к вам.

– Да вы спрашивайте, спрашивайте, не стесняйтесь, – улыбнулась женщина. – Я за день тут в одиночестве с малюткой сатанею просто. Могу и поговорить.

Но в комнату все равно не пригласила.

– Ладно, идет. – Володин поворочал мозгами, с чего начинать вопросы, даже не знал. Начал с первого, что пришел на ум. – Как он умер?

– Ваня? Ага... – кивнула она, заправила растрепанные волосы за уши, одернула широкую замызганную футболку. – Его убили на ринге.

– Муж видел?

– Нет, ему рассказали! Он был в ужасе.

– Хоронили отсюда? Родители, наверное, от горя...

– Ой, да о чем вы?! – перебила она его зловещим шепотом. – Какие похороны??? Какие родители??? Они до сих пор ничего не знают!

– Как это?! Год же прошел, с ваших слов.

– Правильно, год. Но они до сих пор думают, что Ваня жив. Мама его навевается, квартиру проверяет. Улыбается мне, все малыша моего тискает. Все мечтает о внуках. И вещи такие странные говорит...

– Какие же?

– Что, мол, Ваня жениться, наверное, никогда так и не соберется! Представляете?

Володин представил себе все очень живенько, и хоронить Голубева тоже поостерегся. Но делиться сомнениями с молодой мамашей не стал.

– Наверное, свихнулась от горя или просто верит, что он жив.

– Она что же, не видела тело сына?

– Нет, конечно! Его никто не видел, тела этого! Выволокли с ринга, швырнули в «газель» и вывезли на свалку.

– Муж рассказал?

– Ему рассказали, он мне рассказал. – Она настороженно покосилась на Володина. – Не верите, что ли?

– Стоял бы я тут! – фыркнул Александр.

– Вот и я говорю... – Она успокоилась. – Выволокли, как кусок мяса, и отвезли за город и выбросили где-то, а может, и зарыли, кто знает-то! Только никто его больше не видел. Никто! Сгинул, пропал...

– А мать ждет, – с печалью добавил Володин.

– А мать ждет, – подтвердила молодая мамаша.

– А что же он так-то, Иван-то?

Володин прислушался к шуму в подъезде, не натворил бы бед дружище Мельников, станет таскать неразговорчивых соседей за шиворот.

– В смысле?

– Чего проиграл тот страшный бой? Сами говорите, боец был отличный.

– Так договорной бой был. Какой-то крутой притащил своего парня, договорился с Ванькиным хозяином, его уговорили, деньги-то все любят... Думаю, что он просто не ожидал, что его так отделают. Либо время пришло от него избавляться, и его просто убили так вот...

– А муж как думает?

– Ой, муж! – Она с раздражением махнула рукой. – Что муж? Он на том бою не был, только все со слов и знает. Болтовни было много, если честно. Много болтали потом, что Ванька выжил, что его кто-то спас, что он мстить начал. Потом болтали, что в городе его видели, но все болтовня!

– Да... – философски изрек Володин.

И тут же подумал, что кто-то по паспорту Голубева почти месяц назад приобрел неплохую машину, и потом кто-то на этой машине увез от дома Мельникова Олю.

Кто?!

– Вани больше нет. Если бы был, то...

Она так неожиданно прикусила нижнюю губу и с такой болью оглянулась на комнату, в которой спал малыш, что Володин не хотел, да заподозрил ее в адюльтере. Могла она иметь роман с Иваном? А чего нет? Кто мешал? Мог быть сын его? Тоже не исключается.

Но...

Но это уже совсем другая история, его не касающаяся. С этим пускай ее муж разбирается, а ему же теперь нужно вот что.

– Адрес его родителей не подскажете?

– Адрес? Да легко!

Она тяжело развернулась, обдав Володина неприятным запахом кислого молока и немых волос, скрылась ненадолго в комнате. Вернулась с листком из блокнота, где аккуратно был выписан адрес родителей Голубева вместе с номером телефона.

Можно просто позвонить, решил для себя Володин. В такую жару мотаться по улицам, а родители Ивана жили на другом конце, все равно что кипятком умываться, а у него с кондиционером в машине нелады. Сюда ехали с открытыми окнами, а толку?

– Давай, звони, – проворчал Мельников, сердито покосившись на друга.

Ему повезло меньше. Рассказали двое, что Голубев молотил кулаками, тем и на жизнь себе зарабатывал, но все без подробностей, сухо и без эмоций.

Они остановились в тени старого клена, заглушили мотор, и Володин начал набирать номер.

Ответила мать Ивана почти сразу, будто ждала звонка.

– Ой, простите... – замешкалась она после того, как Володин представился. – А я думала, Ваня звонит.

– Должен был позвонить?

Он сделал Мельникову скорбную мину, мол, совсем свихнулась старушка от горя.

– Конечно, должен был! – выпалила она возмущенно. – Он всегда в это время звонит. Каждый день почти.

– Да ну! – присвистнул Володин. И чтобы развеять окончательные сомнения, уточнил: – А заезжает?

– Ой, знаете, редко очень.

– Раз в год?

– Да что вы! – снова возмутилась старая женщина. – Нет, конечно же! На прошлой неделе был. Перед этим, правда, месяц не появлялся. Но заезжает, заезжает. Деньги привозит, продукты. Ванечка очень хороший мальчик, но вот жениться все никак не хочет.

– Простите, – перебил ее Володин. – А чего он по месту прописки не живет?

– Ой, там, знаете, соседка одна... – Женщина едва слышно шепнула короткую молитву. – Она ему просто прохода не давала! И все сына своего пыталась на Ваню повесить, он клялся мне, что это не его ребенок, так бы я, конечно, внука признала, но Ваня сказал, нет. Я ему верю.

– Во-он в чем проблема-то! – рассмеялся невольно Володин. – А она-то мне, соседка его бывшая, таких ужасов наговорила про вашего сына.

– Вот! Вот я так и знала, что от этой змеи добра не жди! – повысила голос гражданка Голубева. – И чего же она наговорила про Ванечку?!

– И что убили-то его в нечестном бою, и что...

– Ой, дура! Ой, дура! – Она с облегчением рассмеялась. – Говорю же вам, ненормальная!

– И боя не было?

– Да нет, бой был. В самом деле, ужасно все потом сложилось для его здоровья. Он долго лечился, глаза лишился тогда и решил покончить с прошлой жизнью, как бы умереть для всех. Нет меня для них, мать, вот как он говорит. – Она вдруг всхлипнула. – Он утратил интерес к жизни. Просто утратил! Они его из него выбили! Сволочи...

– А чем он сейчас занимается? Работает или... И живет, живет где? – спохватился Володин, получив кулаком в бок от Мельникова.

– Ой, да где работает, там и живет, – с явным неудовольствием отреагировала мамаша. – Заделался охранником, или что-то в этом роде. В хорошем месте, у хорошего человека. Я сейчас вам адрес продиктую...

Она продиктовала, Володин отключил телефон и еще какое-то время ошарашенно таращился в разогретое полуднем автомобильное стекло.

– Ну! – прикрикнул Мельников.

– Знаешь, где наш покойник работает охранником? – спросил Саша, разворачиваясь к другу и глядя на того со смесью жалости и тревоги.

– Нет, не знаю! – вспыхнул тот и шуточно замахнулся на друга.

– У нашего нареченного, брат! У господина Черных Владимира Сергеевича.

– Оп-па! – ошарашенно прошептал Валера.

Пошарил в кармашке за своим сиденьем, выдернул теплую бутылку воды, нервно открыл крышечку и с жадностью припал к горлышку, затем отдышался, глянул на Володина.

– Это что же получается?... Получается, что эта сволочь увезла от моего дома Олю, сама там или охранника попросила... А потом? – Его лицо побелело, на лбу высыпали крупные капли пота. – А потом пришла в отдел, начала истерить, написала заявление о пропаже человека... Я же его... Вова, я же его... убью!

Убьет, понял Володин, уловив в голосе Мельникова те самые страшные интонации, что свидетельствовали о полной отключке самоконтроля.

– Успокойся, – попросил он, положил руку ему на плечо.

– К черту!!! К черту успокойся!!! – заорал не своим голосом Валера, безумными глазами обводя салон автомобиля. – Он... Он что-то сделал с ней, Саня!!! Это неспроста!!! Сам говорил, что рожа у него расцарапана! Господи, я его... Я его лично... Своими руками... Поехали!

– Куда? – спросил Володин, прекрасно зная, куда, но все же надеясь, что ошибается.

Не ошибся, друг приказал ехать ему к Черным, и все его бляење насчет того, что адрес не знает и все такое, не прошло.

– Он тебе заяву приносил? Приносил! Там все прописано! Не финти, поехали!

К шикарному дому Владимира Сергеевича, что располагался в элитном районе пригорода, утопающего в зелени, они смогли добраться лишь через полтора часа. Город прочно замер

в огромной пробке, гигантским спрутом обвившим все дороги, включая съезды во дворы. Его щупальца судорожно дергались время от времени, издавали истошные звуки, выбрасывали в воздух зловонные выхлопы.

– Я сейчас умру, – пожаловался Мельников, обмахиваясь газетой, найденной на заднем сиденье машины. – И вода закончилась.

– Может, бросим тачку, а? – предложил Володин, ему было невмоготу в промокшей от пота рубашке, черных носках, черных туфлях и темных плотных брюках. – Черт с ней, вытащит эвакуатор.

– Пойдем пешком? А люди, которых мы подставим? Проклянут!

– Проклянут, – кивнул тот согласно и с надеждой глянул в небо. – Ну, хоть бы облачко, хоть бы капля сверху.

Облака не появились, дождя не пролилось, зато машины вдруг поехали, и через сорок минут они сворачивали с ухабистого большака на прекрасную, гладкую, как зеркало, дорогу, ведущую к элитному поселку.

Охрана пропустила, чего ей не пропустить-то, дом нашли, а вот открывать им не пожела-
ли. И в домофон звонили, и по воротам молотили, Володин кулаком, Мельников ногами.

– Бесплезно. Нет его, – сдался через пятнадцать минут Володин.

– Я не уеду! – отрезал Мельников и полез тут же через забор.

Он слышал нудное шипение в спину о частной территории, о неприкосновенности жилища, об уголовной ответственности и все такое, но не обращал внимания и карабкался вверх по шершавой стене. Перебрался, осмотрелся и отпер калитку Володину.

– Ой, посадят! – продолжил ныть Володин, семена следом за другом к огромному дому за частоколом высоких деревьев. – Ой, накажут... И уволить могут!

– Заткнись, – отозвался у входной двери Мельников. – Если что, скажем, что был ано-
нимный звонок о стрельбе в этом доме. Понял?

– Не дурак, – проворчал он и, опережая друга, дернул за ручку входной двери.

А она возьми – дверь-то – и отворись. Бесшумно, плавно скользнула, как нежная шелко-
вая портьера. Они одновременно шагнули внутрь и дверь за собой прикрыли.

– Погоди, не шуми, – вдруг попросил Володин, прикрывая другу рот ладонью. Тот как раз собирался дать о себе знать. – Что-то не нравится мне эта зловещая тишина. Ворота заперты, а дом нараспах. Прислуга где?

– Может, за домом?

– Может... – скептически скривился Володин. – Как мы в ворота ломались, мертвого разбудить можно. Не-еет, брат, что-то тут не так, идем тихонько, осмотримся. Сильно не шуми, идет?

Они поделили этажи, как давеча по адресу Голубева. Осторожно, стараясь не особо сле-
дить и не лапать дверные ручки пальцами, обошли почти весь дом, на первом этаже, правда, не все посмотрели.

– Никого! – пожал плечами Мельников, останавливаясь у винтовой лестницы, ведущей
вниз, в цокольный этаж.

– Никого, – кивнул согласно Володин, и вдруг достал табельное оружие из наплечной
кобуры. – Ой, не нравится мне тут что-то, брат.

Внизу была котельная. Одна комната с окошком почти под потолком. Везде было пусто.
Они вернулись на первый этаж, двинулись к другой лестнице. Там была еще одна комната в
самом дальнем углу. Дверь в той комнате была приоткрыта, горел свет.

– Видишь? – шепнул другу Мельников.

– Вижу, – кивнул Володин.

– Как думаешь, что там?

– Одно из двух, – выдохнул тот судорожно, ловчее перехватывая рукоятку пистолета. – Либо никого, либо жмур!

Они осторожно, страхуя друг друга, двинулись к тонкому лучу света, разрезавшему темный коридор на две трапеции. Первым дошел Володин, осторожно перемахнул светящуюся полосу, замер в углу. Потом вытянул ногу, сильно пнул ею край двери. Дверь отлетела прямо Мельникову в руки. Тот успел поймать. В дверном проеме они возникли одновременно. И одновременно со стоном выругались:

– Твою мать, а!!!

На кафельном полу в луже крови на спине лежал мужчина, вернее труп. Принадлежность его к живым не стал бы оспаривать никто: из горла у мужчины торчал острый огрызок кафельной плитки. Один глаз был закрыт, второй таращился на потолок забрызганным кровью глазным протезом.

– Голубев... – прошептал Мельников, пятась от двери.

– Видимо... На Черных Владимира Сергеевича этот мало похож, ту холеную рожу я несколько часов назад лично видел и заверяю...

– Заткнись! – прервал его нервно Валера. – Что делать будем?! Оля где?!

– Оля? – Володин дернул плечами, убрал пистолет обратно в кобуру, снова толкнул дверь ногой, закрывая. Взял друга за плечи и повел в гостиную. – Оля, видимо, с хозяином этого дома или где-то еще. Раз нет ее здесь, значит, она где-то еще.

– Ага... А этого кто ужмурил?! – Мельников вытащил мобильник, поиграл им. – Че, звонить нашим-то?

– А как объясним свое здесь присутствие?

– Версию про анонимный звонок еще никто не отменял, раз. Во-вторых, мы могли приехать, побеседовать с хозяином на предмет его заявления о пропаже его невесты. Ворота открыты. – Мельников подергал плечами, провел растопыренной ладонью по взмокшим волосам. – Ворота ведь были открыты?

– Конечно! А как же еще мы сюда вошли?..

– ...А как же еще мы бы сюда вошли?! – таращился часом позже Мельников на старшего опергруппы.

– Получается, что вы хотели поговорить с господином Черных на предмет его заявления?

– Ага, – кивнули одновременно Володин и Мельников.

– Потому что был получен анонимный звонок, что пропавшая девушка удерживается им силой в доме?

– Так точно!

Мельников судорожно выдохнул, их версия понравилась и прокатывала на «ура».

– Ворота оказались не запертыми. Дом тоже открыт. И вместо девушки вы обнаружили гражданина Голубева.

– Совершенно точно. – Володин поскреб пятерней затылок. – Теперь вопросов очень много к господину Черных, а он как в воду канул.

– Найдем... – кивнул старший опергруппы, сосредоточив свой взгляд на носилках, на которых выносили тело Голубева. – Непременно найдем. Думаю, далеко он не убежит.

Господин Черных отыскался через неделю на Лазурном берегу. Он там великолепно проводил время в обществе темноволосой девицы, которая все норовила попасть в поле зрения, связь Володин с ним осуществлял посредством Интернета.

Сколько Владимир Сергеевич ее ни отпихивал, бесполезно. Она все чего-то мурлыкала, все о чем-то спрашивала и суетливо мелькала туда-сюда. В мониторе появлялась то ее симпатичная мордашка, то загорелые ноги, то попка, едва прикрытая узкими плавками.

– Боюсь, вам придется вернуться, Владимир Сергеевич. – Володин помахал рукой симпатичной брюнетке, та хихикнула и исчезла.

– Оля нашлась?! – вскинулся Черных и резко заводил шеей в тесном воротнике футболки.

Даже при отсутствии резкости изображения Володин рассмотрел, как тот вспотел. Волнуется? Волнуется!

– Олю не нашли, Владимир Сергеевич, нашли вашего водителя.

– Ваньку?! – взвизгнул изумленно тот. Нервно провел ладонью по лбу, челка его тут же намочилась, прилипла к коже. – А чего его искать? Он не терялся!

– Он не терялся, Владимир Сергеевич. Он убит. Убит в той самой комнате, где наши эксперты обнаружили следы пребывания некой женщины...

Тут вот Володин приврал, никаких следов не было. Пустая комната, облицованная кафелем. Ни лоскута, ни миски, ни волоска. В дальнем углу, возле самого пола нижняя плитка вывернута, расколота на две неровные части. Одна часть нашлась в горле Голубева. Вторая валялась на полу. Отпечатков пальцев на обломках не нашлось. Странно, правда?

– Господи!!! – ахнул Владимир Сергеевич, прижимая кончики пальцев ко рту. – Что же делать?!

– Для начала вам надо срочно вылететь обратно.

– Да, да, непременно. Меня уже предупредили. Со мной связывались. Я уже заказал билет. Вылетаю вечером. Но как же так... Как же так... Как он? Как он умер? Надеюсь, вы меня не подозреваете??? Я говорил с ним из аэропорта после регистрации, он был жив и здоров! Я сразу после вас поехал в аэропорт, вы можете отследить мои передвижения по записям видеокamera, их на моем пути следования уйма! Господи... Как же так?!

– Поговорим с вами, когда вернетесь, – туманно изрек Володин, еще раз уточнил у Черных время его прилета, пообещал встретить и простился.

Как, однако, он обставил свой отъезд, а! Как тщательно распланировал каждую минуту! И везде-то он на виду. Идеальное алиби, просто идеальное! И не успев потерять невесту, он уже утешается в объятиях загорелой дивы.

Володин ничего не сказал Мельникову, сам поехал в аэропорт встречать Владимира Сергеевича и еле сдерживал себя потом, чтобы не плюнуть в его скорбную загорелую рожу.

– Как же так?! Господи, как же так?! – заламывал в отчаянии руки Черных всю дорогу, благо что не были они заняты рулем, ехали на машине Володина. – Ванька... Верный, надежный Ванька... Что могло произойти?! Как???

– Это нам тоже интересно знать, Владимир Сергеевич, но начнем все же с пропавшей девушки.

– Оли?!

– А что, еще кто-то пропал? – скорчил язвительную физиономию Володин, усаживаясь уже в своем кабинете на свое место за столом. Он порылся в сейфе, достал тоненькую папку, полистал. – Вот ваше заявление, датируемое...

– Ой, да прекратите! – разозлился Черных, сплел длинные пальцы рук в замок, пристроил на колене. – Что я, не помню, как и когда заявление вам оставил?!

– Помните? Отлично. И у меня к вам тут же вопрос, Владимир Сергеевич?

– Да, да?

– Что же это вы, написав заявление, не присоединились к поискам, а умчались отдыхать? Как-то нелогично. Разумнее было бы остаться дома, сидеть на телефоне, выйти на волонтеров, хлопотать как-то. А вы... Не понимаю ваших действий, Владимир Сергеевич, убейте, не понимаю!

В кабинете стало тихо. В углу на подставке надрывался вентилятор, шальная муха билась в паутине, повисшей на форточке, а господин Черных, казалось, перестал дышать. После короткой паузы выдохнул, наконец, расправил спину, опустил ладони на колени, глянул на Володина свысока, взгляд его сделался надменным, холодным.

– Вам и не нужно меня понимать, Александр Иванович, не надрывайтесь.

– И не думал, просто пытаюсь понять.

Володин с силой стиснул зубы и тут же подумал, что хорошо, что тут нет Мельникова. Тот бы сейчас непременно начал вытрясать душу из этого пижона.

– Вы заявляете о пропаже вашей невесты, тут же садитесь в самолет, улетаете, забавляетесь там с посторонней девчонкой, а в это время...

– А что в это время? – Spина осталась прямой и твердой, а взгляд вдруг поплыл, затуманился, и пальцы на коленках судорожно дернулись.

– А в это время в вашем доме происходит убийство! Убит, зверски убит ваш водитель! Вы хоть как-то можете это объяснить?

Он думал недолго. Видимо, и тут заранее подстраховался и продумал все возможные варианты ответов.

– Могу. – кивнул он, отвернул голову к окну и начал говорить длинно и монотонно, будто вычитывал текст, вывешенный за стеклом. – У Ивана было прошлое. Очень... Ну, не знаю, как сказать, опасное прошлое. Я ведь подобрал его на дороге, бездыханного, в крови. Это был не человек даже, а кусок мяса. Бои без правил! Как в кино! Даже не думал, что такое возможно в нашем городе! Он проиграл бой, и его вышвырнули подыхать, а он выполз на дорогу. Я его подобрал, отвез в больницу, оплатил лечение. Он потом служил мне верой и правдой.

– Это все? – Володин скептически сморщился. – Как же это, по-вашему, объясняет его страшную кончину?!

– Я... Я не знаю! Может, отголоски прошлого? – предположил, вывернув губу, Черных, его холеное лицо блестело от жира и пота. Под мышками взмокла тонкая батистовая рубашка. – Он ведь мстил.

– Что?!

– Он мстил, насколько мне известно.

– Кому?

– Тем, кто сделал с ним все это.

– То есть... То есть, вы хотите сказать, что Голубев, оправившись, отомстил тем, кто его списал таким вот чудовищным образом?! – Володин недоверчиво pokrутил головой. – Это уж прямо вообще какой-то Голливуд получается!

– Уж не знаю, что там с вашей точки зрения выходит, но он вернулся после недельного отсутствия вполне удовлетворенным.

– И его не искали?

– Кто? Ваши?

– Ну почему же наши? Его!

– Может, и искали, а толку? Его ведь похоронили как будто. Он нигде не показывался. Не поддерживал прошлых знакомств. Общался, и то очень редко, лишь с родителями. Его не было, понимаете! Кто станет его искать? Кто станет связывать какие-то происшествия с покойником?! И в покойниках ему удалось, как видите, прожить вполне сносно. Однако, видимо, все же кто-то нашел его!

– Каким образом? Поймите меня правильно, Владимир Сергеевич! Мне интересно же! Никто ни сном ни духом не слыхивал про человека, давно уже схоронил его. И тут вдруг находят. Мало того, убивают! Как?

– Я не знаю! – вспыхнул Черных. – Откуда мне знать, чем он занимался, пока я отсутствовал?! Может, мать его проболталась?!

Мать могла, но мало кто ее слова воспринимал всерьез. Даже бывшая соседка Голубева считала ее слова чистым бредом выжившей из ума старухи. С другой стороны, их она быстро направила по нужному адресу.

Получается что? Получается, что Ивана могли найти на щелчок пальцев. Если бы... Если бы хотели! В его поисках не было нужды. Он никому не был нужен ни живой, ни мертвый, вот что!

Кто тогда убил его?!

– Кого вы держали в той комнате, Владимир Сергеевич? – после паузы спросил Володин, нервно поигрывая карандашом, зажатым между пальцев.

– С чего вы взяли?! – красная шея Черных стремительно полезла из батистового воротника. – Это просто кладовая!

– Кладовая? Так там же было пусто!

– И что? Там просто ничего не хранили!

– Если там ничего не хранили, зачем он туда пошел?

– Об этом уместнее спросить бы у него, да... – Черных с ложной обескураженностью развел руками. – Я улетел отдохнуть, встряхнуться, отвлечься! Ивана оставил в доме, горничной тоже дал выходные.

– Как кстати! – ехидно ввернул Володин.

– Она часто отдыхает, – беспечно отмахнулся Черных. – У меня нет семьи, нет детей. В ее постоянном присутствии нет особой нужды.

– Понятно... – Володин прищурился на кончик карандаша. Потом со злостью швырнул его на стол. – Стало быть, подведем итоги... Вы вашу невесту так и не нашли, оставили заявление, улетели утешаться, а пока вас утешали, вашего водителя убили. Вы написали заявление?

– Какое??? – подпрыгнул Черных. – Какое заявление???

– Ну, как же, уважаемый? В ваш дом кто-то проник, возможно, грабитель. Возможно, ваш водитель его заметил, и это стоило ему жизни. Ничего не пропало, не проверяли?

– Каким образом? – Черных завозился на стуле, как на жаровне. – Вы же меня прямо с аэропорта и сюда!

– Ах, да! Простите, запямятовал. Но проверить вам все же стоит, вдруг ограбление?

– Проверю, – покивал Черных.

– Заодно и автопарк проверьте, все ли автомобили целы. У вас ведь шикарный автопарк, не так ли. Особенно хотелось бы отметить тот самый вишневый «Ситроен», на котором вы забирали свою невесту от дома ее бывшего жениха, и что характерно, в тот самый вечер, когда она пропала! Совпадение? Думаю, нет! Что скажете?

Володин торжествовал. Его последний козырь, который он держал в рукаве, покрыл все! Черных обмяк, побелел, руки затряслись, взгляд истошно заметался.

– Владимир Сергеевич, вы ведь отвезли Ольгу к себе, так? – Володин выбрался из-за стола и заходил по кабинету, проложив маршрут таким образом, чтобы все время находиться у Черных за спиной.

– Что?!

– Вы забрали Ольгу от дома ее бывшего жениха, потому что она позвонила вам. Так?

– Да, да, она позвонила. – Он судорожно глотнул, замотал головой, проговорил со всхлипом. – Она позвонила, плакала, попросила ее забрать. Я... Мои машины... Иван уехал на ТО, в гараже стоял лишь его «Ситроен», я взял его. И поехал за ней.

– И вы привезли ее к себе, – тихо проговорил Володин прямо ему в самое ухо.

– Да... – Черных уронил голову на грудь. – Да, я привез ее к себе, запер в кладовке.

– Почему?

– Она кричала, нервничала, она так кричала...

– Она отказалась выходить за вас замуж? Она сказала вам, что все еще любит Мельникова?

– Что?!

Черных дернулся, отпрянул, едва не соскочив со стула. Лицо его дернулось брезгливой судорогой. Губы его беззвучно шевельнулись. Потом он вдруг вскочил, сжал кулаки и заорал на Володина не своим голосом.

– Хватит! Я не стану с вами больше говорить! Без адвоката... Все, хватит...

С Мельниковым Володин встретился уже ближе к ночи, он не просто устал, он был измучен, выпотрошен, у него не было сил даже закурить сигарету. Взгляд его был устремлен на друга, который только что подкатил на своей машине к заброшенной стоянке дальнобойщиков. Они всегда тут встречались, когда надо было тайно, когда надо было покричать, побуйствовать, если что, или что-то спрятать, тут место было для всего.

Он смотрел на Мельникова, как тот глушит машину, как выбирается из нее, потягивается сильным гибким телом, потом шумно выдыхает и медленно идет к нему, поддергивая ремень на джинсах. Он знал, что его взгляд не понравится другу.

Володин оказался прав, Мельников, увидев его, сразу насторожился, остановился метрах в трех, подбоченился.

– Ну! Что еще?!

– Здарова, брат!

Володин выкинул растопыренную левую пятерню, ухватился за руку Мельникова и, напружинившись, выбрался из своей машины и вдруг полез к другу обниматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.